

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

ОПЕРАЦИЯ
«ЗОМБИ»

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров
Операция “Зомби”

«Автор»

2003

Самаров С. В.

Операция “Зомби” / С. В. Самаров — «Автор»,
2003 — (Спецназ ГРУ)

Отставные бойцы спецназа ГРУ капитаны Ангелов и Пулатов мирно жили на гражданке. Пока однажды не были дерзко похищены боевиками неизвестной организации и переправлены в отдаленный военный городок. Оказалось, группа заговорщиков из числа высших чиновников и финансовых воротил намеревается захватить власть. Цель – наведение порядка в стране. А чтобы подчинить народ и армию, их решено... зомбировать с помощью новейших электронных технологий. Бывшие же спецназовцы понадобились как подопытные кролики для создания суперсолдата будущего. Но заговорщики не подозревали, что этим они подписали себе приговор. Потому что спецназ даже в плену остается спецназом...

© Самаров С. В., 2003

© Автор, 2003

Содержание

ПРОЛОГ	5
1	5
2	7
3	10
ЧАСТЬ I	11
ГЛАВА ПЕРВАЯ	11
1	11
2	12
3	15
4	16
ГЛАВА ВТОРАЯ	18
1	18
2	19
3	22
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	26
1	26
2	27
3	30
4	32
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	35
1	35
2	36
3	39
4	41
ГЛАВА ПЯТАЯ	46
1	46
2	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Сергей Самаров

Операция «Зомби»

ПРОЛОГ

1

Эту старенькую разбитую «жучку» с проеденным ржавчиной левым крылом Пулат, а согласно учетным данным отставной капитан спецназа ГРУ Виталий Пулатов, пенсионер по инвалидности, видел уже в третий раз. Три раза! Как много это для него! Вообще-то, говоря по правде, ему хватило и двух раз, чтобы обратить на машину внимание, но третье свидание просто порадовало, как ребенка новая забавная игрушка. Виталий даже остановился на подходе, руки потер и сказал загадочно-восхищенно:

– А-ага...

Сейчас «жучка» глупо нашла себе место у соседнего подъезда, раскаляясь на жарком солнце, будто добрая сковорода, и даже слегка жалко стало тех, кто рискнул в такое время устроиться у нее внутри, не подозревая о своей дальнейшей судьбе, – не любил Пулат наблюдать похороны, прозорливо считая, что когда-нибудь будут и его хоронить тоже. Машины своего двора Виталий знает, как знал когда-то в армии свой пистолет – с закрытыми глазами разбирает и собирает его за считанные секунды. Многим автовладельцам с ремонтом помогал как человек, технику любящий и знающий ее от бога. Местные, кто не пешком ходит, на таких не ездят. Принципиально. Они все в Москве работают, в солидных фирмах, и стараются блюсти престиж.

В первый раз эта «жучка» промелькнула перед глазами, когда Пулата плотно и нагло вели «хвосты» из ФСБ – не на той скорости машина совершала ненужные маневры, – а он тогда заскочил в типографию, чтобы из кабинета знакомого позвонить Ангелу для консультации. Он еще подумал, что смена поколений плохо сказалась на сотрудниках многоуважаемой Конторы, молодежь не обрела нужной квалификации. Во второй раз «жучка» пыталась набить в его глазах мозоль возле Курского вокзала, где был разыгран перед фээсбэшниками отвлекающий финт, дабы показать присутствие Ангела в Москве. Два появления в соответствующий момент! Связь просматривалась нагло и наглядно. Теперь машина снова здесь. И совсем не вовремя...

В голове слегка «штормило», и мысли с трудом концентрировались привычно четко. Виталий три дня «отдыхал» на квартире знакомой официантки Люси от посягательств на свою особу со стороны всяческих спецслужб. Даже с ГРУ связи решил пока не поддерживать. Экспериментировал – что из этого получится, на случай, если и в ГРУ есть стукачи. Но официантка Люся решила взять заслуженные отгулы и, что уж греха таить, утомила Виталия гораздо больше, чем забавная беготня от прилипчивых и наглых «хвостов». И он не вытерпел, не из железа же, в конце концов, сделан, проявил чудеса изобретательности, которым его в течение многих лет службы в ГРУ обучали, – и сбежал от Люси куда более стремительно, чем бегал от оперативников.

Не зная за собой тяжких грехов, способных угрожать ему чем-то серьезным – пара показательных драк с вороватым персоналом в медвытрезвителе заинтересовать ФСБ не может, – Виталий спокойно двинулся мимо «жучки». Три человека старательно пеклись в горячей машине и его в упор «не видели». А вот это уже неприятно насторожило и даже слегка заинтересовало. Фээсбэшные оперативники вели его предельно нагло, явно стараясь запугать и дове-

сти до смятения, будто бы проверяя, как поведет себя Виталий. Люди же в машине почему-то лиц не показывают. Значит ли это, что сейчас скромная отставная капитанская личность интересует кого-то другого?

Мысленно отжав тормоза и с трудом сдерживая стремительность своей привычной походки, Пулат почти прошел мимо «жучки» к своему подъезду, слегка расстроившись, что никто не выразил желания задержать его. Пьяный или страдающий с похмелья Виталий традиционно думал, что люди постоянно не одобряют его небольшой рост – всего сто шестьдесят семь сантиметров – и всегда старался доказать, что не в росте счастье человека. Сейчас момент был вроде бы подходящий, но никто не пожелал выслушать аргументы отставного капитана. Маленького капитана, как его любовно звали друзья. На всякий случай, совсем убавив шаг, он дал пинка колесу «жучки». Но этого опять никто, к сожалению, не заметил.

Заскочив в квартиру, Виталий достал сотовый телефон скрытой связи, вставил в трубку кодирующий мини-диск и нажал клавишу вызова.

Ответили не сразу. Вызов через дешифратор шел целую минуту.

– Алло! – проснулись наконец-то и глаза протерли.

– Это Пулатов, – поспешил доложить он.

– Я понимаю, что не Путин, – ответил полковник Мочиллов. Тон, как и следовало ожидать, не слишком довольный. – Куда вы пропали?

– Отдыхал. Думал, отвяжутся. А они опять тут...

– Кто – «они»? – Теперь в голосе собеседника появилось непонимание.

– «Хвосты». Сидят в машине. Караулят.

– Не может быть! – почему-то не пожелал верить полковник.

– Я тоже надеялся. А, оказывается, может...

Мычащая пауза показала смятение Мочилова.

– У меня абсолютно точная информация, что ФСБ прекратила операцию.

– Значит, это не ФСБ. Я третий раз вижу эту машину.

– Номер? – спросил Мочиллов.

Виталий назвал номер и модель.

– Проверим. Кто это может быть? Какие-то личные дела не исключаете?

– Я слишком скромн...

– Я пришлю людей. Не выходите из квартиры.

– Не надо людей. Они же меня пропустили. Я сам сейчас приеду. Закажите пропуск. –

Голос Пулатова стал настолько наигранно спокойным, что Мочиллов не поверил.

– Что вы хотите сделать?

– Приехать, – невинно подтвердил Виталий свои намерения, не слишком стараясь расшифровать сообщение.

И тут же нажал клавишу отбоя. Чтобы не тратить драгоценное время полковника. Следом за этим он нажал еще и красную кнопку – отключение питания трубки.

2

Приняв душ и побрившись, Виталий провел небольшую подготовку, которая вынудила его презреть жару и облачиться в строгий костюм. И вышел во двор торжественно-парадный.

«Жучка» словно к асфальту припаялась.

Капитан взглянул на часы.

– Нехорошо, товарищ капитан, заставлять начальство ждать, – сказал сам себе с укоризной. – Придется добираться на попутке.

И быстрым шагом направился к облюбованному транспортному средству. Дверцу заднего сиденья открыл, как всегда и все делал, – с разбега.

– Мужики, ждете кого-то?

– А ты что хочешь? – спросил тот, который сидел справа на переднем сиденье, крепкий верзила лет двадцати пяти – двадцати восьми.

Виталий сразу рассмотрел татуировки на обеих руках и туповатое самодовольство на обернувшейся к нему физиономии. Нет, эти явно не из ФСБ. Там парни интеллигентнее и интеллектуальнее работают. Тем лучше для него и хуже для них. Стоит разобраться, что за народ и с какой целью домогается его.

– В Москву срочно надо...

– Двести баксов, – водитель равнодушно, но и с надеждой назвал цену.

– Хамите, молодой человек, – возразил Виталий. – Я за сотню две машины найду, только не считаю удобным для себя ехать двумя частями.

– Садись, – сказал первый, открыл свою дверцу и вышел, очевидно, чтобы принять глоток свежего уличного воздуха. Из машины в самом деле плавно струилась атмосфера некондиционированного ада пекла.

Третий упорно смотрел в противоположную сторону. Ну совсем его не интересовал подвернувшийся пассажир. Очевидно, переживал в аду свои минувшие грехи.

Виталий быстро нырнул в салон. Верзила не возжелал сидеть на переднем сиденье в одиночестве и удобстве и сел на заднее рядом с Виталием, беззастенчиво пододвинув капитана к середине.

– В тесноте – не в обиде, – заметил он при этом мудро, хотя и мрачно, чуть не пугая.

– Бог даст, доедем, – согласился Виталий. – Желательно бы только побыстрее. Опаздываю...

Машина сорвалась с места со второй скорости. И уже на дороге капитан подумал, что слегка поторопился с определяющими выводами. Грязная и неказистая с виду «жучка» пользовалась форсированным двигателем, который не ставят себе любители даже самой быстрой езды, потому что сами машины в таком режиме изнашиваются в три раза быстрее. «Форсажи» используют как раз те, кому по долгу службы или какой-то иной деятельности приходится пользоваться транспортом в форсмажорных обстоятельствах.

Выехали за город.

– Куда в Москву-то? – спросил водила, с остервенением давя на акселератор.

– На Хорошевку... К зданию ГРУ.

– Служилый? – поинтересовался верзила.

Виталий не сразу ответил, потому что совмещал в голове сразу несколько впечатлений, соизмеряя время, расстояние и местоположение объектов.

– Наверде того, – сказал он, когда наконец понял, что момент подходящий.

Рядом не было машин, впереди не было поворота, парни по обе стороны от него сидели в одинаковых удобных позах. И Пулат момент не упустил – резко откинул в стороны и вверх сразу обе руки, совершив одновременный отброс кисти назад. В таком положении к резкости

плечевого удара плюсуется дополнительная резкость движения кисти. И внешне совсем неприметное и неэффективное движение за счет двойной резкости превышает эффективностью удар милицейской дубинки. А если добавить к этому неожиданность атаки и филигранную отработанную точность – аккуратно костяшками по подбородку, то становится понятной моментальная «отключка» противников. Виталий все же доказал верзиле и его напарнику, едва уступающему первому комплекцией, что не в росте счастье. И тут же из-под пиджака на свет появилась удавка – струна, закрепленная в две ручки от детской скакалки. Петля тугим и упругим предупреждением легла на шею водителю.

– Тормозите аккуратно, без суеты, – вежливо посоветовал Виталий. – Смотрите, чтобы мне не пришлось нечаянно струну натянуть...

Водитель оказался не менее сообразительным, чем жадным, и быстро сбросил газ. Виталий тем временем, не сильно натягивая удавку, перебросил обе ручки в левую руку, а правой стал обыскивать соседей. И переложил к себе за брючный ремень два пистолета. Затем туда же с трудом впихнул пистолет водителя – к сожалению, отставной капитан, хотя никогда и не страдал отсутствием аппетита, так и не обзавелся брюшком, которое можно было бы втянуть.

– Принять вправо и остановиться, – скомандовал он голосом милицейского громкоговорителя.

Команда была выполнена сразу. Трудно со струной на шее не выполнить такую команду.

– Предупреждаю: стреляю я даже лучше, чем быю. Не советую суетиться. Выходите из машины, обходите со стороны капота, открываете дверцу и вытаскиваете первого. Я вам помогу. – Пулат всегда старался соблюдать обычную для себя вежливость, даже в операциях на территории других стран, где люди, с которыми приходилось разговаривать, ни слова не понимали по-русски. Так его мама с папой воспитывали. И потому обращение на «вы» даже к детям стало неизменным атрибутом его личности.

Он осторожно убрал удавку с напряженной в страхе и в ожидании рывка шеи водителя. Шея сильно вспотела и покрылась красными пятнами, словно кто-то со вкусом плевал в нее «царской водкой». Произошло это, естественно, не столько от жары, сколько от трудного ожидания. Говоря честно, страх сам капитан никогда не осуждал. Он отлично знал, что это такое, знал, что страх обязательно приходит к каждому в соответствующий момент, но одни могут победить его усилием воли или иными качествами характера, а другие не могут. А те, кто на наглости прет вперед, не ведая страха, через пару минут с таким же остервенением летят в панике в обратную сторону и еще кудахчут при этом, как курица, мечтая и других запугать, чтобы потом самим не было стыдно. Плюс меняется на минус, как в электрических двигателях, и величина паники полностью соответствует предыдущей величине наглости.

Водила послушно выполнил приказ. Обошел машину со стороны капота, не выпадая из поля зрения Виталия, открыл дверцу, кряхтя от недостатка силенок, вытащил верзилу. Пулатов активно подтолкнул последнего, помогая ему попросту вывалиться. Тут же чуть пошевелился, приходя в себя, тот, кто всю дорогу молча сидел слева, за что и получил дополнительный жесткий удар в затылок. Повторный нокаут чреват для молчаливого попутчика последствиями в будущей мозговой деятельности. Но такой удар не жестокость, а необходимость. Своего рода техника безопасности, которую капитан предпочитал соблюдать, чтобы самому не оказаться в неприятном положении.

Дальнейшее Виталий предвидел, как обязан это предвидеть каждый опытный спецназовец, и потому подготовился к событиям еще дома, что, в принципе, и заставило его надеть в жаркую погоду костюм и рукавами пиджака скрыть простейшую хитрость. Водила еще подерживал верзилу, когда Пулатов оказался в самой невыгодной для себя ситуации – выбирался из машины. И, умышленно провоцируя и ускоряя события, наблюдал за противником только боковым зрением. Интуиция не подвела. Именно этим моментом водила захотел воспользоваться, что, впрочем, сделал бы на его месте, только иначе, и сам капитан. Брошенный вер-

зила бесцеремонно полетел носом в кюветную сухую пыль, водила сделал корпусом разворот и постарался угодить капитану подъемом ноги куда-то в область уха. Но Виталий свои уши уважал сильно, считая их красивыми, потому среагировал быстрее и действовать начал раньше, чем противник осознал встречную атаку. Впрочем, это была даже и не атака. Просто резкое движение вперед и жестко выставленное для блока предплечье. Там, на предплечье, скрыты рукавом пиджака две стяжки из эластичного бинта, а между ними алюминиевый уголок. Кость голени со всего размаха угодила в ребро уголка. Боль от собственного старательного и мощного удара была, очевидно, такой, что у парня не хватило сил даже на крик. Он только рот раскрыл, обнажая зубы, к которым стоматолог с отбойным молотком рвется, и пытаясь взвыть. Но дыхание перехватило, и парень упал в пыль, схватившись за ногу. И тонко застонать смог только через минуту.

– Я же просил вас не суетиться, – сказал капитан укоризненно, словно ребенка отчитывал за непослушание. – Какой вы, право, неразумный...

Но долго беседовать, честно говоря, тоже не стоило. Проходящие мимо машины могут и остановиться. И нет желания, как нет и времени, объясняться с любопытными. Или, не дай-то бог, с милицией. Ведь реально – Пулатов сам напал на людей, взявшихся подвезти его до Москвы. Это уже кровавая и дурно пахнущая уголовщина, не слишком подходящая к лицу отставному многократному орденоносцу. И потому Виталий тут же достал из-под пиджака заранее приготовленные куски тонкой, врезающейся при напряжении в руки веревки, быстро и профессионально обезопасил себя от возможного нападения, и усадил связанных парней в салон на заднее сиденье. Причем дополнительно привязал их друг к другу. Три богатыря – не три богатыря, но хотя бы трехглавый Змей Горыныч получился натурально.

Водителю же, простив ему очевидную неосторожность, пришлось даже помочь дойти до дверцы. Штанина парня уже пропиталась кровью. Виталий отлично понял, что в голени у него открытый перелом. Это всегда серьезно, но это плата за привычку носить пистолеты. Кто их носит, слишком на оружие надеется и потому не всегда в состоянии показать свои боевые качества без оружия.

– Вам удобно? – заботливо и почти наивно поинтересовался Пулат у трехглавого монстра. И добавил очень серьезно: – Если что, скажите, я с удовольствием прекращу ваши мучения.

Форсированный двигатель позволил машине быстро проглотить километры. К счастью для сотрудников ГИБДД, никто не попытался остановить машину на въезде в Москву. И в самой Москве Виталий умудрился ни в одну пробку не угодить. Подъехав к зданию управления, он с автомобильной стоянки позвонил с «сотовика» водилы, экономя собственные оплаченные минуты. Догадался, что хозяину телефон не скоро понадобится.

– Слушаю, полковник Мочиллов.

– Товарищ полковник, это Пулатов. Прибыл в ваше распоряжение вместе с транспортным средством, про которое рассказывал.

– То есть?..

– То есть я стою у въезда во двор.

– А эти?.. Из машины...

– Они любезно согласились с вами побеседовать.

– Вы не перегнули палку? А если они вообще ни при чем? А если вы ошиблись?

– У каждого с собой по стволу. Было...

– А если это сотрудники Конторы?

– Харями не вышли.

– Не знаю, не знаю... – Полковник сомневался, не решаясь взять на себя ответственность за происшествие. – Я не могу выписать вам пропуск. Мало ли что... Сейчас сам выйду.

3

Полковник вышел. Выслушал в свой адрес кучу угроз и отборного мата, что значительно подняло настроение. Полковник почесал покрасневший щрам, пересекающий лицо, подумал и решительно сел в машину рядом с Пулатом. Назвал адрес на окраине Москвы по дороге на Балашиху. Показывал, куда ехать.

Двухэтажное здание оказалось управлением какой-то строительно-монтажной фирмы, как гласила неброская вывеска. Полковник ушел, через пару минут открылись ворота, и Виталий въехал во двор. Строительно-монтажная фирма оказалась весьма экзотической, потому что не каждое подобное учреждение держит сразу за порогом дневального и дежурного рядом с оружейным шкафом. Гости провели в тесный кабинет, где было кресло, предложили отдохнуть. Что капитан и не замедлил сделать, благополучно задремав. Такие мелочи, как недавнее происшествие, не смогли заставить его взволноваться и побороть усталость, пришедшую после трехсуточного «отдыха» с официанткой Люсей.

Разбудил его скрип двери. Полковник Мочиллов сел в соседнее кресло и расстегнул китель.

– Как самочувствие?

– Стараюсь... – коротко улыбнулся Виталий.

– Придется, капитан, тебе на службу временно вернуться. – Полковник вдруг перешел на «ты», что само по себе уже сообщало моменту некоторую деловую торжественность. – Дело оказалось серьезное, гораздо серьезнее, чем мы могли предположить. И люди против нас серьезные. Может быть, это еще похуже, чем с Конторой сцепиться...

– Хуже может быть только Моссад, – съязвил Пулатов. – С ЦРУ как-нибудь справимся. Что от меня надо?

– Есть какая-то партия, или организация, или вообще хрен знает что такое... Называется это скромно Структурой. Судя по всему, достаточно мощная штука. Очень интересуется тобой и капитаном Ангеловым. Их интерес идет параллельно интересу ФСБ. Но они же и устраняют от работы генерала Легкоступова. Считают, что он свою первоначальную задачу выполнил. Чувствуешь, чем дело пахнет?

– Если не врут – это размах.

– Размах сильный. Только куда будет направлен удар? Против кого и кем направлен? Этого мы не знаем.

– Что парни? Раскололись?

– Препарат вводили. Они мало знают – сошки... А знать нам хотелось бы больше. Хотя это дело не нашего, как говорится, ума. Но я так думаю, что в самой ФСБ многие в нем повязаны. Но раз Структура касается наших интересов и наших сотрудников, пусть даже бывших, мы, я думаю, не можем оставаться в стороне.

– Какая-то масонская ложа?

– Типа того. И единственный выход туда – ты и Ангелов. Вы нужны им. Знать бы только, для чего...

– Задача?

– Сдаться!

– Только и всего? Сделаем! А что с этими парнями из машины?

– Они вечером попадут в автокатастрофу.

– Надо связаться с капитаном Ангеловым.

– Ему сегодня передадут «сотовик» скрытой связи. Я распорядился.

– Тогда работаем...

ЧАСТЬ I

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Спустившись на свой этаж не в лифте, а по лестнице, он остановился на лестничной площадке перед всегда открытой дверью и, прежде чем войти в привычный длинный коридор, покрытый ковровой дорожкой, сказал сам себе многозначительно и с неизвестно откуда взявшимся вдруг удивлением:

– Вот так, значит...

И только после этого глубоко вздохнул, словно готовился Рубикон перейти, и шагнул вперед.

Генерал Легкоступов, вопреки привычке, вернулся от начальства не в свой кабинет, а сразу в отдел. Необычно улыбчивый и слегка ироничный, непонятно мягкий, что сразу бросилось в глаза подчиненным. Сел за стол майора Мороза, теперь свободный не только от бумаг, но даже и от традиционного перекидного календаря, и привычно положил руки на столешницу ладонями вниз, как прилежный первоклассник.

– Садитесь, – тихо и устало сказал офицерам, вставшим при его появлении. – Занимайтесь своими делами. Я просто с вами побуду немного, и все...

Подполковник Сазонов переглянулся с майором Соломиным. Они не поняли, что означает эта фраза – лиричность на генерала с небес свалилась? Не замечался вроде бы за Легкоступовым, всегда сухо-деловым, такой грех. Значит, что-то произошло из ряда вон... Уж кого-кого, а их начальника отдела выбить из колеи, казалось, невозможно. Невозмутим, как истый английский лорд, в самые критические моменты. А тут... Впрочем, они догадывались, хотя и не предполагали, что реальность будет для генерала такой болезненной.

– Когда Мороза привезут? – спросил Легкоступов.

– Сегодня утром, товарищ генерал, привезли, – ответил майор, опустив глаза.

– Похороны когда?

– Завтра.

– Венки заказали?

– От управления заказывали.

– От товарищей по отделу закажите. Отдельно. Где хоронить будут?

– Мать просила, чтобы его рядом с отцом похоронили. За опытной станцией, недалеко от полигона, маленькое кладбище есть. Там отец лежит. И его там похоронят. Отец у него тоже в нашей системе служил.

– Завтра... Значит, с послезавтрашнего дня у вас будет новый начальник отдела, – сказал Геннадий Рудольфович с улыбкой.

Офицеры поняли, чего эта улыбка стоила генералу. Но сообщение не удивило их. Все знали, что отдел внутренних расследований не сильно одобрил методы работы генерала Легкоступова. Обычные, честно говоря, методы, но в этот раз, как говорится, нашла коса на камень. Кому-то нужно было найти очередную жертву. И этой жертвой стал их генерал. А тут еще нектати и майор Мороз погиб при невыясненных обстоятельствах. Вот и последовали оргвыводы.

– Ладно... – Геннадий Рудольфович без стука шлепнул ладонями по столу, виновато улыбнулся и встал. – Пойду к себе, бумаги подготовлю, а потом домой отправлюсь. Неважно себя чувствую перед пенсией...

Шутка не удалась, и он сам это понял.

2

У Крысавца, кажется, тяжеленная форма маниакально-геморроидального синдрома. Не удивлюсь, если мне скажут, что он своей тени из прошлогоднего сна пугается. И пугаться он будет долго, если никто не поможет от страха избавиться. Ему очень нужен сильный психотерапевт. Кардинальный. Который вылечит его раз и навсегда. Как я обычно лечу. Иначе помочь Крысавцу уже невозможно. Я через свои каналы наводил о нем справки и состояние его могу представить себе легко.

Вообще-то его фамилия звучит гораздо прозаичнее – Крыловец, это я придумал ему новую, точно так же, как когда-то придумал Захватову прозвище Труповоз. Так мне легче в уме общаться с некоторыми людьми. Необходимо, чтобы кличка отвечала сущности.

– Эт-та ч-чертова пл-ленка... – заикаясь, ворчит Юрок, когда черный джип «БМВ» плавно, как утка, покачиваясь на неровностях разбитой дороги, проходит нам навстречу. – Пр-рошлый р-раз в него мужик из дробовика стр-релял. А эту пл-ленку только гр-ранатом-метом и возьмешь.

Заикаться Юрок начал после контузии – «БМП» на горной трассе противотанковую мину отыскала, подпрыгнула на ней, как лягушка, и сбросила Юрка с брони в пропасть. Иной бы если от взрыва не погиб, то превратился бы после такого падения в раздавленный каблуком мягкий шахринаурский персик, а он сумел хорошо сгруппироваться и так аккуратно скатиться, что даже кости не переломал. Только в самом конце на скорости свободного падения ударился головой о большой камень-валун. Камень с места, что естественно при такой-то скорости, своротил, а самого – тяжело контузило...

Когда-то он служил под моим началом в Афгане – младший сержант. Я в те времена еще взводом в отдельной Кабульской роте командовал. Сразу из госпиталя Юрка комиссовали, и мы случайно с ним встретились только в прошлом году. И вот во второй раз довелось. Он сам приехал. По этому делу...

Он жует, страдая, фильтр незажженной сигареты – я курить в своем присутствии категорически, словно мы все еще там, в Афгане, в засаде, не разрешаю – и всем лицом показывает, что зажата в забинтованной руке зажигалка, как граната с сорванной чекой, просится к действию.

– Бр-ронированные стекла, сами поним-маете, сколько ст-тоят... Р-раньше вообще бр-ронированная машина в редкость была. А сейчас п-пленкой обклеят – вот и броня... С-сука...

Последнее слово относится, как я понимаю, не к пленке, достаточно часто применяемой, а к пассажиру джипа «БМВ», нашедшему защиту под этой качественной пленкой.

– Отставить гранатомет, – не соглашаюсь я. Без лишней нравоучительности в голосе, но все же спокойным и деловым тоном учителя. – Любой бронебойный патрон годится. Даже самодельный. Для того же дробовика отлей пулю с каленым сердечником. Можешь кусок простого круглого надфиля в свинец закатать. Тоже нормально. Даже бронежилет вплоть до четвертого номера пробивает. А уж пленку-то прошьет, как ситец. Дело не новое, старик, и не однажды проверенное...

Это не школа, и никто не платит мне за уроки, как не платят и за работу, выходящую за грань риска. Но Юрок – я вижу по всей его манере поведения, по каждому его жесту, по попытке заглядывать в глаза – просто рвется постигнуть эту тонкую науку. Зря, молодой чело-

век. Но если есть желание, то... Даст бог, когда-нибудь и на меня охоту начнешь... Хотя, судя по нынешним внешним кондициям, не потянешь.

Юрок с годами слегка замордел, растолстел, и сейчас в нем трудно узнать того сдержанного сухопарого и одновременно сильного паренька, мастера спорта по биатлону. Я любил брать к себе во взвод лыжников и бегунов на длинные дистанции. Это сейчас в спецназе предпочитают представителей силовых единоборств. А зря. Драться научить можно любого. Только практика показала, что спецназовцу в рукопашную вступать приходится редко. В той специфике боевых действий, где спецназ участвует, больше ценится выносливость и умение терпеть. А лыжники и стайеры это умеют отлично, гораздо лучше силовиков. И характера таким ребятам не занимать. А если лыжник еще и стрелок добрый – биатлонист, то это совсем находка.

– Ник-как к к-козлу не подступиться...

– Я все же думаю, что брать его надо дома.

– Охрана, как у пр-зидент-та... Бесп-полезняк...

Если бы не эта охрана, Юрок ко мне и не обратился бы. Он сам уже все подходы, как говорит, разведал. И около дома, и около офиса. Ни в дом, ни в офис не попал. За офисом только из машины следил. За домом с дерева. Сутки среди ветвей просидел. Говорит, что хорошо замаскировался. Я верю. Маскироваться я его сам учил. Там его засечь не могли. А вот возле офиса – это еще вопрос. Машина с иногородним номером. Если охранники толковые, они на это внимание обязательно обратили. С первого раза. Если увидели во второй, уже настожились и начали заряжать оружие. И сейчас могут нас сосредоточенно ждать.

– Взор-рвать бы... Вместе с машиной...

– Перестань и думать.

Вот в этом я категоричен. И вовсе не потому, что машина мне очень нравится, хотя такую машину каждому, кто к красоте не равнодушен, должно быть жалко. Просто я никогда подонком и сволочью не был и такими методами не пользуюсь принципиально. Я высокопрофессиональный отставной киллер, а не мясник, которому все равно, чью тушу рубить, – было бы мясо. Хотя Юрок как будто даже и не догадывается, что в поисках помощника он обратился как раз по правильному адресу. И будет лучше, если он никогда не заговорит об этом. Для нас двоих лучше.

– А в-все же...

– Это ты брось. Сколько еще людей разнесет... Посторонних! На взрыв я соглашусь, если только ты сумеешь каким-то образом ему в унитаз мину установить. Персонально в персональном туалете.

Юрок вздыхает демонстративно тяжело и прячет колючие глаза. Это он от безысходности с такими предложениями выступает. Точно так же, как от безысходности ко мне обратился. Обычно в таких мероприятиях в одиночку действуют. А уж когда сами ничего сделать не могут, только тогда...

Он разворачивает машину, забыв в раздражительности включить сигнал поворота, и медленно едет по улице. Не пытается догнать «БМВ». И правильно, это ни к чему.

– Чт-то д-делать?

А злость мешает ему не только думать, но и говорить. Зубы от нее скрипят, как санные полозья по асфальту.

– Соображай... Подступов нет?

Пожимает плечами:

– Н-нет.

– Тогда следует идти от обратного. Где он чувствует себя в наибольшей безопасности?

– Везде пр-рячется. Н-нигде н-не подступишься.

А вот здесь ты, милый друг, не прав, потому что моего опыта не имеешь. Даже самый трусливый человек всегда имеет место, где он может отсидеться, будь то туалет или погреб.

Иначе он давно бы уже от переживаний повесился. Стрессовое состояние устойчивым тоже может быть лишь определенный период времени. Дальше следует взрыв или инфаркт, что соответствует взрыву не в меньшей степени.

– И все же?

– За ст-тенами. Машина вс-егда уязвима. Это теория... Машину и доставать надо.

В этом он прав только наполовину. Девяносто процентов покушений связано с автомобильным транспортом. И именно там люди соблюдают наибольшую осторожность, именно там охрана готова к любым неприятностям. Что, впрочем, обычно не спасает, если в противниках профессионал. Но и профессионалы на восемьдесят процентов, когда засыпаются, засыпаются на транспорте. Именно поэтому я работать «на дорогах» не люблю – собственная безопасность всегда стоит дороже. К тому же нет гарантии, что Крысавец непременно окажется внутри, за темными стеклами.

– Значит, дома и в офисе он опасности обычно не ждет?

– Да. Н-не ждет.

– Офис в центре города, – вспоминаю я здание, где находится офис Крысавца, и создаю в голове виртуальный образ возможного места работы. – Слишком людно для нас. Не находишь?

– Да. Н-нахожу.

Люблю, когда со мной соглашаются. Это значит, что я на правильном пути.

– Дом в смысле безопасности равнозначен?

– Даже б-более. П-посторонних н-нет... П-посетителей н-нет... Охрана та же...

Я забрасываю руки за затылок и потягиваюсь. Равнодушно и буднично.

– Значит, нужен штурм.

– П-пойду на штурм. – Он опускает голову по-бараньи, того и гляди, на четыре конечности встанет и, без мысли в голове, побежит бодаться.

Во – размахнулся! И такая отчаянная решимость в голосе, словно он перед броском грудью на амбразуру прицеливается. Только стоит ли на эту амбразуру бросаться? Не та ситуация.

– Пойдем, – поправляю я и ловлю в ответ его короткий благодарный взгляд. – Но не забывай, что ты воевал не в десантно-штурмовом батальоне, а в отдельной роте спецназа ГРУ. У нас, если помнишь, тактика совсем другая... Улавливаешь разницу?

– Да.

– Молодец. А пока, до вечера, поехали ко мне домой. Тебе отдохнуть просто необходимо. Иначе я не рискну пойти с тобой.

– Мне н-надо по д-делам...

– Отставить дела! Выполнять команду!

И указующим перстом я даю направление – следует повернуть налево. Юрок выезжает в крайний ряд и включает сигнал поворота. Взгляд у него сосредоточен и угрюм, от недавней секундной благодарности не осталось и следа. Даже в мою сторону младший сержант смотреть не желает. Слишком сильно он перенапрягается нервно. Эмоции, будто рукой профессионального грузчика, цепко и сердито хватают его за горло и мешают дышать, а порой и правильно соображать. Хотя понять состояние парня тоже можно. Юрок мне рассказывал. И я его понимаю.

Крысавец убил его сестру. Студентку-первокурсницу. Изнасиловал и убил. И свидетели были, но следствие ничего доказать не смогло. Все свидетели в отказ пошли. Связываться побо-ялись. Юрок свое следствие провел. Жесткое до беспредела. Свидетели – дураки очевидные. Должны были сразу понять, что брат, пожелавший за сестру отомстить, для них в действительности окажется пострашнее уголовного авторитета. Ему они не смогли соврать. Он, сломав и себе пальцы на руке – об чью-то голову, заставил их говорить правду, но не пошел в больницу, обошелся простым бинтом. Что им сломал и переломал – Юрок не говорит. Но не думаю, чтобы свидетели после этой беседы смогли безмятежно выйти на работу. При подго-

товке Юрка, которую он совсем забыть при всем желании до смерти не сможет, физиономии свидетелей должны напоминать светофоры.

Но к Крысавцу подобраться он не смог. Ситуация такая сложилась, что в того дважды в течение месяца стреляли. Один раз – профессионал. Спасли охранники. Киллер скрылся. Но заказ просвечивался явно. Второй раз непонятно откуда появившийся мужичок с дробовиком. Может быть, такой же, как сам Юрок, мститель. Неизвестно. Не будешь же с таким вопросом на ментов выходить. Засветишься сразу, как только покажешь интерес. Мужичка охрана застрелила. Повторять ошибку Юрок не пожелал. Ему важен не поступок, а результат.

И тогда он обратился к своему бывшему командиру капитану Ангелову, то есть ко мне...

– Сестру твою не вернешь, но я не хочу, чтобы это произошло еще с кем-то, – сказал ему командир.

3

Генерал бесцельно переключал в сейфе бумаги с полки на полку. И никак не мог решиться определить место для одной папки, на которой даже не проставлен регистрационный номер и гриф секретности.

Официально этой папки не существует. Нет ее в природе. Нет вопроса, которым Легкоступов так плотно занимался в последнее время. То есть вопрос и дело есть. И документы есть. Но в двух различных вариантах. Лишь несколько человек, включая высшее руководство, в курсе дела. Но концы всех планов и мероприятий бумаге доверять нельзя, точно так же, как и компьютерным файлам. И генерал держит все данные в голове. Первый вариант – вот он, в папке на верхней полке. Там и регистрационный номер проставлен, и гриф – «совершенно секретно». Но ни одному человеку не удастся связать воедино все данные, потому что связующие данные отсутствуют. Легкоступов не изъял их. Их и не было. Он просто не задокументировал то, что смог узнать, потому что слишком это опасные данные. Для всех опасные. И для него самого тоже.

Папка с верхней полки вполне может уйти и в отдел внутренних расследований. Пусть поломают голову. А вот вторая папка...

Неуверенным жестом Легкоступов оценил свою работу на вес: бумаг много собралось, и все настолько важные, что доверить их кому-то, значит, рассекретить.

И так же неуверенно Геннадий Рудольфович переложил папку в ящик письменного стола. Туда, где вообще никогда не хранят важных документов. Куда даже уборщица заглянуть может.

Но при всей неуверенности его движений это уже означало решение. Решение совершить какой-то непривычный поступок, к которому толкали его обстоятельства.

Телефонный звонок отложил решение болезненного для генерала вопроса.

– Слушаю, генерал Легкоступов, – ответил неохотно, но отвечать следовало, потому что могли звонить из отдела, откуда он только что вернулся, могли звонить из «секретки», где уже были знакомы с обстановкой и, вероятно, готовились принять у него все учтенные документы, могли звонить и из приемной, чтобы передать какое-то распоряжение директора. Откуда угодно могли звонить, чтобы побыстрее освободить генерала от груза старых забот.

Но незнакомый голос преподнес заботу новую:

– Товарищ генерал, слушайте меня внимательно. Вы сейчас выйдете через центральный подъезд и повернете направо. Метров через пятьдесят к вам подойдет человек. Поговорите с ним, пожалуйста... Он может рассказать много интересного.

– Кто говорит? – спросил Геннадий Рудольфович.

Но в ответ раздалась только короткие гудки.

Легкоступов задумался. Он отлично знал – внутренние линии телефонной связи прослушиваются так, что само прослушивание из кабинета определить невозможно. Но прослуши-

вание ведется не регулярно, только от случая к случаю. Очевидно, знал это и говоривший. Потому и не захотел рисковать и продолжать разговор.

Сам звонок не вызвал бы тревоги, если бы шел с городской линии. Обычная история. Каждый оперативник Конторы имел своих осведомителей. Правда, должность уже отдалила генерала непосредственно от оперативной работы, но старые связи остались. В былые времена подобных звонков Геннадий Рудольфович принимал множество.

Однако сейчас, когда обстановка вокруг него сложилась неблагоприятная, звонок, да еще с внутреннего телефона, мог нести какую-то неизвестную информацию, касающуюся именно его нынешнего положения. И почему-то это вызвало беспокойство.

Генерал раздумывал около минуты. Потом решительно открыл сейф и перенес папку из стола на нижнюю полку. Может быть, еще рано принимать решение...

4

Я проснулся ровно в час ночи. Как и приказывал своему послушному подсознанию, всегда заменяющему мне ненадежные будильники. Эта армейская привычка укоренилась в организме настолько прочно, что у меня никогда даже тени беспокойства не возникает по поводу возможности проспать нужный момент. К удивлению, внутренние часы работают даже после принятия основательной дозы спиртного и не подводили меня ни разу.

Прислушался к звукам из соседней комнаты, где расположился отдыхать Юрок, – мы с ним вместе всю прошлую ночь не спали, разговаривали, вспоминали. Вспомнить нам есть что и есть кого. Больше года он под моим командованием находился. И помянуть кого есть. Помянули. После такой ночи естественно в ночь следующую забыть даже свет в комнате выключить. Выключил его я. Но теперь пришла пора включить.

В соседней комнате тишина. Даже дыхания спящего не слышно. Я поднялся и тихо распахнул дверь. Выглянул осторожно.

Юрок поднял глаза. Сидит в кресле. Похоже, и не ложился.

– Не спал?

– Не м-могу... Пробовал...

Мой вздох выразил вселенское сожаление по поводу ситуации. Не только относительно его здоровья, но и по поводу дела, за которое мы взялись. Мало того, что мой молодой товарищ взвинчен до предела, что само по себе уже плохо, он еще и спать из-за своей взвинченности не в состоянии. Следовательно, в какой-то критический момент ему может не хватить сил или быстроты реакции – он и сам может попасть в нехорошую ситуацию, и меня может этим подставить.

– Так не годится. Какой из тебя боец после этого?

– Я на одной злости выдержу.

– Реакции организма не те.

– Выдержу...

– Один пойду, – сказал я чуть ли не угрожающе.

– Нет. Это мое дело.

Он упрям, а кроме того, и это достаточно неприятно, – он прав. Я понимаю его состояние, потому что знаю возможности взведенного механизма. Даже если этот механизм – сложно устроенное человеческое тело. Юрок сейчас сродни гранате с сорванной чекой. Только разожми ладонь – и она может взорваться. И необходимо проследить, чтобы взорвалась она вовремя и в нужном месте, иначе последствия непредсказуемы.

Это с одной стороны. А с другой – идти работать с невыспавшимся человеком просто опасно. И не нравится такая ситуация не ему, а мне. Ему-то сейчас почти все равно – лишь бы действовать. Пусть даже погибнуть, но в деле. Тогда душа уgomонится. А мне погибать вовсе

ни к чему. У меня на завтра свидание назначено с очень красивой женщиной. Она моей гибели не одобрит и не поймет. Но Юрок в такие тонкости войти сейчас не в состоянии. У него свои заботы.

Да, мне это неинтересно и опасно. Но и отпускать его одного я тоже не могу. Совесть не позволяет. И совесть бывшего командира, привыкшего брать ответственность на себя, и совесть квалифицированного специалиста.

– Ладно, собирайся, – решаю все-таки я.

Экипировку мы приготовили еще накануне. Сложена аккуратно, по-армейски, в соседнем кресле. Традиционный камуфляж. И не только традиционный, но сегодня и необходимый.

За оружием еще предстоит съездить. Дома я оружие не держу, а обрез охотничьей одностволки, привезенный Юрком с собой, не годится даже для защиты сада от нахальных лесных зайцев. При выстреле такие короткие штучки грозятся из рук вылететь, а уж про процент точного попадания я не говорю. Пусть обрез чем-то и напоминает благородный дуэльный пистолет, однако калибр ствола подходит больше для дуэли со слоном, чем с человеком.

Но Юрок к своему оружию привык, расставаться не хочет. Вольному – воля.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Моя машина слишком заметна – серебристый «Крайслер» светится даже в ночи, что, несомненно, любой охране доставит ни с чем не сравнимое удовольствие. Более того, многие достаточно крутые ребята могут, допуская, знать о моей предыдущей работе, которой я занимался по принуждению. Крысавца к крутым отнести можно без сомнения. И с покойным Труповозом он имел какие-то деловые отношения. А я так и не знаю, существовал ли у Труповоза еще один экземпляр видеокассеты, с помощью которой он «координировал» мои действия – попросту говоря, принуждал отставного капитана спецназа ГРУ быть киллером. Если такой экземпляр существовал в действительности, то куда он делся, к кому в руки попал и когда выплывет на свет божий – вот архиважный для меня вопрос. Я просто не имею права отбросить вариант, при котором этот самый экземпляр кассеты может оказаться у Крысавца. И тут же я, как на празднике, верчусь рядом с ним... Или даже без кассеты – он просто знает со слов Труповоза о моей работе, мало ли что тот сболтнуть мог... Опять прокол – и наставленный в меня, любимого, заряженный ствол. Нет. Так не годится, я такого не люблю и не одобряю.

Поэтому, при всем моем недоверии к отечественному транспорту, поехали мы на старенькой «шестерке» Юрка. Она приятная грязновато-серая и, как ночная подвальная кошка, неприметная и незаметная. Разве что кого-то может заинтересовать иногородний номер, и потому наша задача – никому особо с этим номером не подставляться. Я не люблю лишние жертвы...

А Юрок нервничает, как закипающий чайник, все больше и больше. Это видно не только по тому, что он заикается чаще, но и по неровной манере вести машину. После светофора сразу со второй скорости трогается и газует так резко, что движок рискует заглохнуть. Помнится мне, в Афгане он был более хладнокровным. Однажды в засаде пропустил мимо себя караван с наркотой и не выдал себя ни движением, ни вздохом – сидел замаскированный среди камней в двух шагах от дороги, и любой пристальный взгляд мог подвести его под пулю. Но караван пропустить было необходимо, чтобы моджахеды не смогли свернуть раньше времени, – и он пропустил. Сейчас младший сержант на подобную выдержку оказался не способным. Вот что делает с людьми спокойная или беспокойная, но гражданская жизнь.

Чтобы отвлечь парня, я начал рассказывать анекдоты, вычитанные в одной из еженедельных рекламных газет – их во множестве по почтовым ящикам разбрасывают. После первого анекдота, не самого смешного, Юрок посмотрел на меня, как на естественного, от природы, дурака – напряженно и почти с негодованием. После второго слегка улыбнулся, словно ребенка конфеткой поманили. Я же специально выбрал состав «по нарастающей». Чем дальше, тем смешнее. Под конец, когда мы оказались на нужной окраине города среди частных домов, он чуть-чуть расслабился.

– Вот здесь тормозни, – показал я. – Жди. Я через пять-десять минут вернусь.

– Не под-дведут? – А во взгляде надежда и боль, словно во мне его собственное спасение.

Я не ответил. С чего это он вдруг начал во мне сомневаться? Я никогда никого не подводил, и он это знает еще по армии. А служил я достаточно долго, чтобы армейские привычки впитались в кровь.

Но ни к чему посторонним знать, где я храню оружие или у кого беру его, как я Юрку и сообщил. Потому я и сделал круг в квартал и тем же путем вернулся. Вернулся я с продолговатым холщевым мешком и с красочным полиэтиленовым пакетом. Тяжеленным. Как только материал не разорвался. Протянул Юрку массивную пластмассовую кобуру.

– «Стечкин», – сказал он обрадованно, с теплотой в голосе и с уважением к оружию – на радостях даже не заикнулся, и тут же убрал кобуру под сиденье. Навстречу по улице ехала машина и освещала нас ярким светом галогенных фар. Терпеть не могу, когда меня освещают. Но такие фары ставят на свои машины люди состоятельные. У ментов таких не бывает. Это уже легче.

– Теперь – гони...

Юрок опять резко газанул, но сейчас уже, кажется, не от волнения, а почти азартно.

2

Шагая привычно прямо, со стороны посмотреть, даже нарочито прямо, генерал вышел из здания через центральный подъезд, для чего ему пришлось подняться на два этажа выше и сделать большой круг по коридорам, которые как-то неожиданно, вдруг, стали уже казаться чужими. И очень не хотелось встретить в этих коридорах кого-то из знакомых, кто в курсе его дел. Не хотелось выслушивать соболезнования и сожаления, неизбежные в этом случае. Знакомых он встретил, но не равных по званию, которые могли только поприветствовать генерала, не более. И слава богу...

За дверью неброско светило солнце, вечер стоял радостный, не жаркий и изнуряющий, как все последние дни, и оттого тяжелые думы, вызывающие неприятный осадок, как-то разом отодвинулись на задний план. Хотя привычная сосредоточенность и ясность мысли не вернулись. Генерал свернул, как и было сказано, направо и двинулся вдоль здания. Издали он привычно выхватил впереди фигуру человека, который стоял рядом с серой неприметной «Волгой» и упорно «никуда не смотрел». При приближении генерала последовал только обязательный встречный взгляд, открылась дверца машины с молчаливым предложением сесть.

Геннадий Рудольфович заглянул в салон. На заднем сиденье расположился только один человек, внешний вид которого не внушал опасности. Пожилой, сухощавый, с умными серыми чуть насмешливыми глазами.

– Присаживайтесь, Геннадий Рудольфович. Побеседуем... – пригласил человек.

Генерал еще раз глянул на того, который открыл дверцу. Скорее всего, это водитель.

– С кем имею честь? – спросил, как бросил холодные слова внутрь салона.

– Присаживайтесь, – настойчиво, чуть не приказным тоном повторил сероглазый и теперь уже сделал приглашающий жест рукой. – Здесь, как видите, нет капитана Ангелова...

Последняя фраза решила дело. Генерал сел в машину, внезапно ощутив неприятное чувство, которое он обычно относил к интуиции. Что-то подсказывало ему – он совершает сейчас очень важный шаг, способный кардинально перевернуть всю его жизнь.

Дверца аккуратно, без звука закрылась. Водитель прошел по тротуару на десяток шагов дальше, к газетному киоску, и принялся с интересом, как школьник, рассматривать полупорнографические журналы.

– Вы из ГРУ? – сразу, как только отошел водитель, спросил Легкоступов, который пока не видел перед собой иного варианта.

– Избави боже, – чуть не с ужасом, шутливо отмахнулся сероглазый. – Я служил только срочную службу и с тех пор питаю непреодолимое отвращение к разного рода погоням. Но испытываю при этом обоснованное уважение к генеральским, – добавил он с улыбкой, желая придать разговору меньшую натянутость, чем обещало лицо генерала.

– Что вы имеете сообщить мне? – Легкоступов решил сразу отринуть пространные отступления, склонность к которым он в собеседнике уловил по первым словам.

– Моя фамилия Решетов. Она ровным счетом ничего не говорит вам. Я так думаю.

– Вы правильно думаете.

Геннадий Рудольфович с трудом входил в разговор и только по инерции поддерживал привычную манеру выражаться. Все-таки решение об отставке подействовало на нервную систему расслабляюще и угнетающе. А собраться, судя по всему, ему было просто необходимо.

– И тем не менее нам с вами пришлось в последнее время постоянно ощущать присутствие друг друга. С той только разницей, что я знал, где находитесь вы и что делаете, а вы не знали обо мне ничего вообще, принимая мои действия и действия моих людей за работу сотрудников ГРУ. Но это, впрочем, не играло решающей роли...

Сразу возникла мысль о службе внутренних расследований, о том, что вела его служба по каким-то далеко идущим причинам, о которых предстояло только догадываться. Но Решетов сказал, что испытывает отвращение к погоням. Следовательно, он не имеет отношения к ФСБ. Но связь между Решетовым и службой внутренних расследований наверняка существует. Об этом же говорит и звонок по внутреннему телефону и фамилия капитана-спецназовца, произнесенная сразу же.

– Значит, «жучки» дома и на даче – ваша работа?

– Наша.

– И нападение на офицера ФСБ, находящегося при исполнении служебных обязанностей, тоже ваша работа?

– Тоже наша.

– А вы не боитесь, что я просто прикажу вас арестовать?

– Нет, не боюсь. Вы слишком любите свою жену и детей, чтобы поступить так опрометчиво...

И сопровождающая слова обаятельно-приторная улыбка. Только серые глаза при этой улыбке остались холодными, обжигающими льдом. Легкоступов сразу понял, что собеседник не шутит. Он умел по выражению лица определить болтуна и человека, готового на все для достижения цели.

– Кроме того, меня выпустят через десять минут. Могу вам это гарантировать. Даже в том случае выпустили бы, если бы вы имели неопровержимые доказательства...

Пауза, взятая генералом на раздумье, надолго не затянулась.

– Я так полагаю, что меня принуждают к сотрудничеству. Угрозами.

– Вы понимаете почти правильно. Обратите внимание на слово «почти». Оно вовсе не случайно. И еще обратите внимание, что вам позвонили, приглашая на это свидание, не с городского телефона, а с внутреннего.

– Я обратил на это внимание.

– Тогда вы можете догадаться, что пока вас еще не принуждают, а предлагают взаимовыгодное сотрудничество. То есть у вас еще есть выбор. В дальнейшем вы сотрудничать с нами все равно будете, я вам это могу обещать твердо, но выбора уже не будет и условия – теперь уже обратите на это внимание! – будут более жесткими.

– Я понимаю, что не вы лично создаете ситуацию. Кого вы представляете?

– Это очень важно? – Вопрос прозвучал отвлеченно, косвенно утверждая, что точного и исчерпывающего ответа ждать не приходится.

– От ответа на этот вопрос зависит мое согласие или отказ. И я не очень внемлю вашим угрозам и уверениям во всемогуществе. На всякое всемогущество обязательно находится противодействие. Я сам недавно сумел в этом убедиться, к собственному горькому сожалению.

– Хорошо. Но мой ответ, тот, который я лишь и уполномочен пока вам дать, мало вас удовлетворит. Более того, я рискую показаться совсем неоригинальным. В России, как и в каждом государстве, существуют финансовые и промышленные круги, которые в действительности государством и руководят. Не мне рассказывать вам, что отнюдь не президент и не парламент и уж, естественно, не народ, великий и могучий, решает судьбу государства.

Решетов сделал паузу, ожидая каких-то слов, вопросов или несогласия со стороны генерала. Генералу ФСБ, а еще раньше офицеру КГБ, положено считать, что на судьбу страны больше всего влияет его организация. Было время, когда такое положение существовало в действительности, однако уже давно ситуация канула в Лету. Но Геннадий Рудольфович сосредоточенно молчал, никак не выдавая своего отношения к сказанному.

– Вот такие круги я и представляю. – Решетов неожиданно улыбнулся совсем открыто и обаятельно, словно карты на стол выложил.

– Это мне ничего не говорит, – сказал Легкоступов. – Сотрудничать с людьми, о которых я ничего не знаю, не в моих правилах.

– Я уже сказал, – серые глаза опять подернулись льдом, – что не уполномочен говорить более конкретно. Но о наших возможностях вы можете догадаться хотя бы по тому, что мы в курсе всех ваших служебных дел. Это вас не впечатляет?

– Это меня, к сожалению, впечатляет. – Генерал умышленно придал своему обычно бесстрастному голосу слегка угрожающие нотки.

– Прекрасно. – Решетов, однако, не сильно испугался. Он будто бы сам вызывал генерала на активные возражения, на неприятие предложения, словно неохотно, вопреки собственному желанию, чужую волю исполнял. Человека менее выдержанного, чем Легкоступов, такая манера вести беседу вполне могла бы и обидеть.

– Чего вы хотите от меня? Если вы в курсе всех моих дел, то должны знать, что с послезавтрашнего дня я нахожусь в отставке. Генерал-пенсионер не в состоянии оказать вам помощь, которую вы желаете получить. Что вас интересует? Конкретно.

Решетов ответил без раздумий, словно эта тема давно и подробно была обсуждена предварительно, даже без всякого акцента на факте:

– Для начала – Ангелов!

– Это я уже понял. Но если уж ФСБ не смогла дотянуться до этого человека, имея свои немалые средства, то не думаю, будто это по зубам кому-то другому, менее подготовленному к подобным операциям. Даже обладая средствами финансовых кругов и имея возможность применять не совсем приемлемые для ФСБ методы... Ангелов этим методам противопоставит свои. И они, уверен, станут более жесткими и действенными. В чем и желаю предоставить вам возможность убедиться на собственной шкуре.

– Глупости, – отмахнулся Решетов.

– Нет, не глупости. Ангел – монстр, чудовище, от которого не знаешь, что ждать. Его шаги непредсказуемы, а действия ужасны...

– Вот именно поэтому он нам и нужен. Он и подобные ему, сколько бы их ни было.

– Попробуйте... – зло усмехнулся Геннадий Рудольфович.

– Против Ангелова не работали серьезно. ФСБ потому и не смогла дотянуться до него, что не может открыто позволять себе те средства, которые вы втайне применяли. – Опять продолжительная пауза, подчеркивающая всезнание Решетова. – Вам только развернуться не дали, тоже нашими, кстати, стараниями. А мы себе позволить развернуться можем. И на Ангелова управа найдется.

Генерал сказал, словно отмахнулся:

– Но я не уверен, что смогу быть слишком полезен вам. Данных у меня мало, только интуиция иногда что-то подсказывает.

– Данные есть у нас. А вашу интуицию вместе с некоторыми неучтенными вашими же документами мы, при обоюдном согласии, присоединим к ним. И получится в итоге неплохо...

– С какими документами?

Что-то внутри задрожало у генерала. Никто не видел папку с неучтенными документами. Никто не может знать ее содержимое.

– Вы сами знаете, с какими. Не будем вести детскую игру. У вас всего два варианта продолжения сотрудничества. Или добровольно – или принудительно. Отказа быть не может. Геннадий Рудольфович молчал с минуту, пряча под сосредоточенным раздумьем собственную растерянность.

– Еще один принципиальный вопрос, – сказал наконец. – Убийство майора Мороза – ваших рук дело?

– Нет. Я думаю, это Ангел.

– Ангел? Не Югов?

– Мы не занимались расследованием происшествия, до которого нам нет дела. И так...

– Я дам вам ответ после похорон Мороза. Его хоронят завтра. Как мне связаться с вами?

– Не задавайте глупых вопросов, – как плевков прозвучал ответ Решетова, у которого даже губы скривились. – Я мог бы принудить вас начать работать прямо сейчас. Но я понимаю, что такое похороны подчиненного, за которого несешь персональную ответственность, потому что он выполнял твой приказ. У вас не то состояние духа.

– У меня не то состояние духа, как вы правильно заметили. Значит, мне позвонят...

Генерал тоже понял, что не сам Решетов определил дату начала новой работы, тот лишь ловко сориентировался в ситуации и пожелал показать себя за человека серьезного, с правом решающего голоса.

– Вам позвонят домой завтра вечером. Только уже не для того, чтобы услышать ваше согласие или отказ. Выбора нет. Вам позвонят, чтобы начать совместную работу. И я рекомендую документацию, которая может вам в этой работе помочь, иметь под рукой. Вы согласны?

– Я согласен, – сказал Геннадий Рудольфович и сам почувствовал, что ему стоило труда не произнести такую простую фразу с угрозой, как некоторые из предыдущих.

3

Поселок Кременкуль длинным полукольцом вытянулся по берегу озера с одноименным названием. Там, на окраине, среди других таких же не слишком бедных и отличных одна от другой построек, Крысавец соорудил себе дом-крепость с дурацкими башенками. Сам поселок стал уже почти частью города. Еще лет пять, и хищные городские районы сольются с поселковыми улицами, заменив белоствольный березняк и луговое разнотравье на вонючий асфальт и равнодушный бетон.

Нам, слава богу, не надо возвращаться в город, чтобы попасть на место, – дорога прямая. И пост ГИБДД, где могут дежурить омовцы, насколько я знаю, находится на три километра дальше поселка, перед кольцевой дорогой, построенной для тяжелых транзитных грузовиков, которые в город пускать не желают, чтобы не разбивали до конца и без того разбитые уличные полотна.

Я не стал настаивать на предварительной собственной рекогносцировке местности. Доверился Юрку не только потому, что он мой бывший солдат и человек, испытанный в ситуациях не менее серьезных, но и потому, что не пожелал лишний раз показываться в том месте, где предстоит работать. К чему настораживать охрану, которая и без того насторожена – случайный взгляд, собачий лай или еще что-нибудь может сослужить нам недобрую службу. Да Юрок и не пожелал бы еще откладывать дело, к которому он сам готов.

– Через лес проехать можно?

– Можно.

Мне понравилось, что он уже совсем не заикается. Я это состояние знаю. Мобилизующий момент, как называют это психологи. Чем-то сродни пробуждению «золотой змейки» Кундалини в йоге. Может быть, несколько не в тех масштабах, но некоторая аналогия в перестройке организма просматривается. В мощной перестройке. Я сам с этим мобилизующим моментом

сталкивался. И по себе знаю, что творить он может чудеса. По крайней мере, иначе нельзя было назвать то, что я делал несколько раз, не умея этого делать. Более того, вообще никто не умел это делать. Но делал мобилизующий момент...

– Давай.

Юрок на первом же повороте свернул резко вправо, на разбитую и растрескавшуюся грунтовку, кое-где прячущую в глубокой колее коварные лужи. Он умело избегает колеи – правильно. Чья-нибудь умная голова завтра утром при обходе окрестностей поинтересуется отпечатками протекторов проезжавших здесь машин. Честь и репутацию своей «жучки» Юрок предпочитает не пачкать лишними подозрениями. Его командир – я то есть – может только одобрить подобную аккуратность.

– Здесь... – Он зло и решительно вдавил тормоз почти до упора. – Дальше рискованно. Движок услышать могут.

Я молча кивнул.

План местности Юрок по памяти нарисовал еще дома. Надо сказать, что план понравился мне множеством мелких подробностей, которые сильно помогают при ориентации. И теперь я оценил предусмотрительность младшего сержанта.

– Нас здесь не видно?

– Нет. Перед домом кирпичная стена – метр девяносто пять, местами до двух. Под стеной бетонный фундамент. Потом, в нашу сторону, дорога вдоль забора – выезд на улицу, дальше кустарник – полоса на десять метров, высота от полуметра до полутора, и тридцать метров леса.

Я протянул руку и достал с заднего сиденья холщовый мешок, с вопросом во взгляде показал содержимое. Мой вопрос понятен любому, кто имеет к оружию страсть. Но Юрок не сразу понял, что это такое. В ту пору, когда он воевал, такие штуки на вооружении не стояли. Только позже их начали испытывать. Там же, в Афгане. Но едва я стал вставлять в гнездо пластиковый лук, он понял.

– Арбалет... Зачем?

Вот ты и прокололся... Прокололся! Плохо, значит, я тебя учил.

– Для собак.

– Каких собак?

Еще один прокол! Очень плохо, отвратительно.

– Обыкновенных. Которые лают...

Вообще-то я не люблю убивать собак. Может, в глубине души уважаю их гораздо больше, чем людей. За честность и верность. Но сейчас обстоятельства военные, иначе к дому не подберешься. Собака – враг. Из личного афганского опыта хорошо знаю, что крупную собаку, – а дом Крысавца, по данным моего осведомителя, недоступного для интереса Юрка, охраняют два алабая – не всегда сразу уложишь пулей, которая сдуру норовит пройти обязательно навывлет. Короткая, но смертоносная болт-стрела арбалета рассекает мышцы, пробивает ребра и остается в теле, и она потому гораздо надежнее, убойнее.

Впрочем, если собак убивать грех, то и людей я, сознаюсь честно, тоже убивать не люблю. Но этому меня очень долго и качественно учили лучшие специалисты великой державы, и умею я это делать лучше, чем что-то другое. Потому иногда и случается... Хотя сам я за то, чтобы случалось как можно реже.

– Пойдем? – спросил Юрок, когда я арбалет приготовил и отложил на заднее сиденье.

Я посмотрел на часы. Зелено светящиеся стрелки показывали без пятнадцати два.

– Рано еще. Подождем для верности пару часиков. Ночь послушай, понаслаждайся... Да и вообще следует быть более гуманными людьми: дадим ребятам спокойно уснуть и последние в жизни сны посмотреть.

Теории нас, слава богу, тоже учили, и достаточно качественно. Дисциплина со сложным названием «Психологические аспекты почасовой активности человеческого организма» была

скучна, но необходима. И я отлично знаю, что лучшее время для нападения – это от часа до двух ночи, когда подступает первая волна суточной усталости, и от четырех до пяти часов – когда вторая волна накатывает уже настоящим девятым валом. Тогда уже на сорок процентов теряется бдительность у любой самой квалифицированной охраны, даже если она только-только заступила на пост и считает себя свежей, как недавно сорванный с грядки зеленый огурчик. Нам лучше всего пожаловать вместе с этим девятым валом.

– Посиди пока здесь. Я один поброжу.

– Я с вами...

– Посиди, – сказал я сурово-категорично тоном, не терпящим возражений. – Я хочу просто воздухом подышать. В одиночестве. Имею я на это право?

Он боится меня отпустить. И настаивать на своем тоже боится.

Все правильно. Так и должно быть.

В себе я уверен. Я даже в ощущениях своих, в том, чего глазами не вижу, уверен бываю обычно больше, чем в том, о чем мне лишь рассказывают. Мне необходимо хотя бы посмотреть на место, где предстоит работать, потому что каждое место обладает собственной энергетикой, отличной от других. Одно место навевает уныние, в другом плясать хочется, третье давит вроде бы безосновательным страхом. И понимание этой энергетике – тоже разведка. А идти на дело совсем без разведки не в моих правилах. Пусть Юрок и говорит, что все рассмотрел досконально, до мелочей, до кочки или бугорка, на котором споткнуться можно. Я ему верю, но при этом в каждом подобном мероприятии ситуация такая же, как при прыжках с парашютом. Свой парашют каждый готовит сам. Потому что собственную безопасность безопаснее всего доверять собственной заботливости.

Я вышел из машины, беззвучно закрыл дверцу, хотя она никак не хотела, чтобы я это сделал, и углубился в лес, выбирая направление скорее интуитивно, чем основываясь на чертеже, который нарисовал Юрок. Ночной лес – он особый. Он для разведчика и диверсанта даже понятнее, чем дневной. Недавно мне рассказывал знакомый майор из СОБРа про свое участие в первой чеченской войне. Он по ночам исползал на собственном многотрадном брюхе весь Грозный. А когда впервые после месяца боевых действий вышел в город днем, то с трудом ориентировался среди полуразрушенных кварталов. В ночном лесу я почувствовал себя так же, как он в ночном Грозном. Я знаю, что раньше любого другого услышу здесь посторонний звук, лесу не свойственный, уловлю чье-то движение даже спиной, определю опасность.

Сразу за леском навстречу мне пошла негустая полоса кустарника, как и рассказывал Юрок. Я пересек эту полосу без суеты, вдумчиво осматриваясь, и ни одна ветка не треснула под ногами. Я даже шум ветра в листве никак не нарушил. Не забыл про себя с удовольствием отметить, что навыков былых не потерял, отчего, как всегда после внутренней похвалы, почувствовал себя сильнее и опытнее. И вышел к дороге, за которой красовался двухметровый забор из красного шлифованного кирпича. Второй этаж по нижнюю линию окон и мансарда видны и отсюда. Света в окнах нет. Шторы за стеклом не колышутся, потому что стеклопакеты не имеют форточек.

Как ни странно это звучит, но отсутствие света в окнах далеко не всегда является благом фактором. С одной стороны – света нет, значит, подумаешь, спят спокойно, видят те сны, которые совесть позволяет видеть. И рискуешь жестоко ошибиться. С другой, вполне естественной и вероятной стороны, отсутствие света, возможно, предполагает создание в тебе самом искусственного сознания, что тебя не ждут. Это происходит как раз тогда, когда ждут с приготовленным стволом и нервно перебирают пальцами, постукивая в нетерпении по скобе спускового крючка.

Так ждут или не ждут?

Обычно я предпочитаю знать это заранее.

Собак не слышно. Юрок не сообщил, что во дворе обитают два алабая. Он их, конечно же, не видел. Трудно увидеть то, что находится через три забора и два двора. И лая их не слышал. Такие псы лают вообще нечасто. Любая болонка при приближении к забору постороннего человека уже шум бы подняла. А короткохвостых среднеазиатских овчарок – алабаев – я хорошо знаю еще по Афгану. Угрюмые и недоверчивые, с мощным корпусом и тяжелыми лапами. Много, помнится, они неприятностей нам доставили. Вообще-то я не люблю, когда собачий лай ставит под угрозу мою жизнь. И потому предпочитаю принимать превентивные меры.

Но пока их принимать рано. Может быть, их вообще не придется принимать. Но если собаки здесь тоже есть, в нужный момент придется тоненько и беззвучно прорезать ночной воздух арбалетному болту. А пока надо дать возможность охране ощутить безмятежность и безопасность ночи. Ночь, известно, нежна! Сам же я, к сожалению, такой безмятежности и безопасности пока еще не ощутил. По спине пробежал холодок, словно я уже перебрался через забор и вышел под выстрел, специально для меня приготовленный, и чувствую, что в каком-то окне чей-то прищуренный глаз ласково смотрит на меня сквозь рамку прицела. Так ласково смотрят только на любимую и ожидаемую женщину и на такую же любимую и не менее ожидаемую жертву. Неприятное, надо сказать, ощущение для жертвы. И потому я обычно стараюсь избегать этой участи. Кроме отдельных случаев, когда это бывает необходимым...

Так же тихо, как шел к забору, я вернулся к машине и даже подошел к ней сзади. Так подошел, что мой напарник только в последний момент меня заметил. Расслабился он, расслабился. Подойти мог и кто-то другой. И приставить к виску ствол. Во времена службы я устроил бы Юрку разнос по всем статьям. Сейчас у меня права на это нет. Да и настроение не то.

Молча я сел на заднее сиденье, задумался.

– Что-то не так? – Юрок по-прежнему не заикается. Значит, мобилизован, хотя мое появление и прозевал. Впрочем, не он один в таком положении оказывался. Передвигаться бесшумно и незаметно я умею.

– Ты уверен, что нас не ждут?

Он передергивает плечами, словно отмахивается.

– Они постоянно, похоже, кого-то ждут.

По идее, охрана такой и должна быть.

– Тогда поставили бы уж камеры слежения.

– Не в банке...

Я минуту вдумываюсь в ситуацию.

– Собак не слышал.

– Откуда здесь собаки?

– Здесь должно быть два алабая. Известные любимцы Крысавца. Он их на собачьих боях выставлял. Каждый под семьдесят килограммов.

– Около главного входа, может, спят.

– В дом их запустить не могут?

– Не знаю. Я собак вообще не видел.

– Ладно, разберемся.

Я закрыл глаза. Знаю, что Юрок задремать в таком положении не сможет, потому и не предложил ему тоже отдохнуть до наступления нужного времени. А время подступает ко мне уже вплотную. Может быть, и к Юрку.

Я постараюсь, чтобы и к нему подступило точно так же. Вплотную...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Показалось, что генеральский кабинет за время отсутствия хозяина кто-то посетил. Конечно, Легкоступов понимал, что это может быть и простой мнительностью. После такого свидания обостренную мнительность приобрести немудрено. Но все же он раскаялся, что не потрудился опечатать дверь, как делал это каждый вечер, уходя домой. И потому сразу проверил сейф. В сейфе – тоже, кстати, неопечатанном – все осталось в том же порядке, в каком и было. Это слегка успокоило. На всякий случай Легкоступов попробовал рукой настольную лампу – даже при кратковременном включении металлический колпак нагревается быстро. Нет, лампу никто не включал. Впрочем, в нынешние времена, имея современные технические средства, пользоваться настольной лампой при пересъемке документов смешно. Просто именно так когда-то, еще в молодости, учили, вот он и потрогал этот колпак.

Хотелось ясности в голове. Хотя бы в голове... Потому что ясности в событиях может и не быть из-за недостатка информации. Генерал позвонил в буфет, и, когда ему принесли заказанный двойной кофе, чтобы никто не побеспокоил и не помешал привести мысли в порядок, Геннадий Рудольфович закрылся изнутри на два оборота ключа.

И сел за стол, привычно положив ладони на столешницу. Такая внешне чуть смешная поза помогла ему сосредоточиться, а нерегулярные постукивания ладонями по поверхности стола создавали мыслям определенный строй, отделяя, как вехами, нужное от ненужного.

Итак, что можно выделить в доминанту?

Ангел вызывает повышенный интерес, оказывается, не только с его стороны, но и со стороны каких-то финансово-промышленных структур. Или – Структуры! Конечно, любой подросток в нашей стране понимает, что все финансы и вся промышленность – это в первую очередь большая и грязная политика. Хотя называться она может как угодно и выполнять какие угодно экономические функции. Значит, доминантой должна стать именно эта самая Структура. Что она из себя представляет, кто в нее входит, кто руководит?

Это один из самых главных вопросов. Но есть ощущение, что далеко не самый главный. Самый главный следует еще сформулировать.

Цель?

Да-да, именно – цель, которую ставит перед собой эта Структура. Существует масса финансово-промышленных групп. У большинства из них цель единственная и, можно даже сказать, примитивная – достижение максимальной эффективности деятельности и, как следствие этого, получение максимальной прибыли. Это естественно и не вызывает нареканий, пока укладывается в видимые рамки закона. Что кроется за невидимыми – мало кого интересует. Но обычно подобным группам нет дела до таких проблем, как генетика. Не может им быть до этого дела, кроме обыкновенного человеческого любопытства. И ведь это не общее понятие, не просто генетика... Генетика человека! Это уже в какой-то степени фундаментальная наука, вызывающая уже два столетия споры ученых и вымыслы писателей-фантастов, наука, которую трудно отнести к возможности скорого получения прибыли и быстрого оборота вложенного капитала. Кроме одного варианта – криминала. Прибыли, добываемой с помощью криминала. Но это слишком мелко, чтобы вызвать серьезный всплеск интереса сильных структур. Не были бы тогда задействованы такие серьезные силы, не придавливали бы тогда почти в открытую генералов ФСБ.

Оппоненты Легкоступова из некоей финансово-промышленной Структуры выходят из рамок традиционного классового интереса, проявляя внимание к разработкам покойного полковника Радяна.

Что может значить для них капитан Ангелов? Интерес к нему проявляется только как к модели суперсолдата? Зачем им нужен этот суперсолдат? Не для ударного труда на производстве – это понятно. Вообще солдаты, даже не супер, а простые солдаты, не должны входить в сферу интересов промышленников и финансистов, если только из них не формируется охрана. Но это тоже слишком много для охраны – вести активные действия против ФСБ и ГРУ одновременно. Кому же и зачем могут понадобиться такие солдаты? В какой ситуации?

Вопрос сам собой сформулировался и разложил по полочкам все составляющие. Только в борьбе за власть!

Не в борьбе на выборах, как стараются показать политики, не в постоянном политическом словоблудии и в телевизионном позерстве, а в жестокой физической борьбе, вооруженной!

Вот и встало все на свои места. Теперь следует провести только некоторые уточнения, чтобы совсем сориентироваться и знать, как вести себя. И стоит ли вообще проявлять инициативу, когда с таким треском прогоняют на пенсию. Может, рано ему еще отдыхать и есть смысл поработать активно?

Геннадий Рудольфович положил руку на трубку красного телефонного аппарата, но застрявшее в голове слово требовало большей конкретики, и он удержал в себе немедленное желание доложить руководству ситуацию, показывая тем, что он еще на что-то годен. Больше конкретности, больше конкретности...

Уточнения? А что можно уточнить, когда информации вообще нет? Стоп. Отсутствие информации – это тоже информация. Но есть информация о работе самого генерала. Есть у людей, с которыми он беседовал. Откуда к ним могла прийти эта информация?

В отделе ни один из офицеров не знал всего. Каждый выполнял только собственную узкую задачу, каждый раз разную, но все нити шли только к генералу Легкоступову. А обмениваться сведениями и ради любопытства сводить концы с концами в конторских отделах не принято. От офицеров отдела, таким образом, узнать все подробности не могли.

А от него самого?

А от него они поступали частично напрямую к директору. То есть к главному лицу во всей этой истории. И частично, в искаженном виде, поступали в отдел внутренних расследований. И никуда больше. Никуда...

Правда, нельзя исключить и тот факт, что у директора есть привычка советоваться с заместителями или даже обсуждать какие-то важные дела на коллегии. Это тоже нельзя сбрасывать со счета, но в любом случае обращаться к директору сейчас, не имея данных, – глупо. И ведь он чуть-чуть не прокололся, совсем уже собрался позвонить и напроситься на прием.

Но если директор ФСБ входит в круг лиц, возглавляющих непонятную силу, которая пожелала получить в свои ряды генерала Легкоступова, то организация эта действительно могущественная. Да пусть даже и не сам директор. Одного заместителя достаточно...

Генерал встал и подошел к окну. Заложил руки за спину. Еще одна из его любимых поз, помогающих соображать. Своего рода условный рефлекс, обостряющий умственную деятельность. Однако сейчас рефлекс не сработал. Мысли в голову не шли.

За стеклом совсем уже сгустился летний вечер. Пора домой.

2

– Собака залаяла... – сказал Юрок.

– Слышал.

Я открыл глаза, сам просыпаясь, как сторожевая собака, сразу с ясной головой. Даже сквозь полудрему я обычно контролирую ситуацию, будто всегда нахожусь на войне. И привычка эта настолько прочно впиталась во всю мою сущность, что работает даже в самой обыденной обстановке, когда нет угрозы ни мне, ни кому-то другому.

– Мне показалось, это где-то в стороне. Может, даже в соседнем доме... Кто там живет?

– Не знаю.

– Плохо. Надо было узнать. В случае сильного шума соседи могут и на помощь прийти.

– Не те времена. Сейчас больше о себе беспокоятся. Чуть где шум, сразу собственные двери на три запора. И в молчанку... Такие собственное здоровье берегут.

Его философствования не соответствуют действительности и говорят только о плохой наблюдательности.

– Нет. Ты не прав. На домишки ихние посмотри... Не те соседи, которые кого-то боятся, кроме налоговой полиции. Эти, если не враги, друг друга выручать будут обязательно. И у них, как правило, есть что в руки взять... По деревенским меркам здесь судить нельзя.

– Понял. Это я не додумал. – Юрок согласно опускает голову так, что мне с заднего сиденья видно, какая у него мощная, «наетая» шея. При стриженном затылке эта шея напоминает шею «быка», прикрывающего жирным телом современного, не нюхавшего зоны авторитета, вроде того же Крысавца, и потому от облика Юрка веет угрозой беспредела. Впрочем, авторитеты настоящие держат вокруг себя других ребят, иссушенных непокоем, жилистых и татуированных, со стальными зубами в два ряда, но угроза от них, надо заметить, идет не меньшая. – Надо быть осторожнее. Но, мне кажется, уже пора...

Не заикается. Хорошо это или плохо? Как бы совсем его эмоции не задушили, не затмили разум. Такое тоже случается. Перебор возможен не только при карточной игре.

– Пора, – соглашаюсь я, даже не взглянув на часы. Состояние охраны я определяю по своему состоянию. Время суток действует, как правило, на большинство людей одинаково. Так природа распорядилась, и большое ей спасибо за это. И еще ей спасибо за то, что природа наградила меня умением сбрасывать сонливое оцепенение, как полотенце с плеч, перед тем как в душ войти. А душ я принимаю мысленно. И свежим становлюсь усилием мысли, словно в самом деле под прохладными струями постоял.

Юрок осторожно, чтобы не щелкнул замок, открывает свою дверцу. Я точно так же открываю свою. Замки так хорошо смазаны, что руки маслом пачкают. Я еще вчера с неудовольствием, хотя и с одобрением обратил на это внимание.

– Ты там, у себя дома, не в «быках» случайно ходишь? – это я полушутя сказал, потому что не нравятся мне наетые шеи. Шея наетая и шея тренированная – разные вещи. Уж в этом-то я толк знаю, иначе просто не сумел бы выжить при своей недавней негласной профессии. И не такая, как сейчас, помнится, шея была у Юрка в Афгане.

– С чего вы взяли? – Он даже улыбается.

– Шея у тебя «бычья».

– У омовцев такая же... Почему про ОМОН не спрашиваете?

Я хмыкаю, потому что знаю, как недалеко от правды Юрок. «Быки» и омовцы похожи и внешне, и характером. Я однажды по необходимости положил троих омовцев на мокрый асфальт за шесть секунд. И шеи их не спасли. Юрка так, пожалуй, не положишь. Я сам его учил. Хотя попробовать, может, и стоит... Со временем все теряют квалификацию. Потерял, естественно, и я, хотя всячески стараюсь поддерживать себя в необходимой форме. Но с армейским периодом меня нынешнего сравнить трудно. Да и не стоит сравнивать. У меня уже и психология другая. Тогда я за страну свою был в ответе и серьезно относился к своим обязанностям. Сейчас отвечаю только за собственную жизнь. При всей моей жизнелюбивости уровень ответственности явно не тот.

– Ладно. К делу. Для начала я зайду с фасада, посмотрю на собак, – предложил я. – А ты контролируй боковой выход и подвал. Я передвигаюсь по часовой стрелке. Ты – против.

– Годится. – Он первым выходит из машины.

Легкая камуфляжка на поясе за спиной оттопыривается. От обычной поясной кобуры такого не бывает.

– Ты все-таки взял свой обрез, – морщусь я.

Он чуть смущен. Но смущен угрюмо. В голосе упрямство, которое мне, человеку в работе рациональному, трудно объяснить.

– Привык к нему. Я уже много раз представлял, как Крысавца из него расстреляю... Картечью... Чтобы кровь ведрами хлестала...

Но «АПС» у него уже в руке. Большой палец «прогулялся» – слышу я по звуку, – переключая предохранитель на одиночный огонь, потом на автоматический, потом опять на одиночный, и возвратил его в исходное состояние. Профессионально «прогулялся», почти заученно, проверяя работу. Не забыл, значит, настоящее оружие. Это меня утешает.

– Беру фору в четыре минуты. Через четыре минуты ты должен быть на углу забора. Я рукой дам сигнал с угла дома. Если случится задержка, жди еще две минуты, потом работай автономно. Старайся, чтобы шума было меньше. Помни о соседях.

Юрок в знак согласия так скрипнул зубами, что у меня холодок по спине пробежал. Ох и зол он...

И я при этом обязан делать вид, что аплодирую самодеятельному концерту!

Я покинул машину и, не оборачиваясь, пошел в сторону дороги, на ходу прилаживая непривычный приклад арбалета к плечу. Мне не надо контролировать бесшумность шага. Это отработано до автоматизма. План, нарисованный напарником, я выучил достаточно хорошо и теперь сразу, срезав путь через кустарник, оказался на нужном месте.

Здесь, со стороны фасада, забор не целиком из кирпичной кладки. По обе стороны ворот по два кованых из хорошего металла решетчатых звена – каждое метра по три длиной. По краям звенья укреплены в кирпичные квадратные колонны. За первой колонной я и остановился, выглядывая из-за угла во двор.

Мутновато-белесая луна освещает двор достаточно хорошо. Собак не видно и не слышно. Нет их и на крыльце, где горит красивый, под старину стилизованный фонарь. Впрочем, я и не ожидал их встретить. Но все же надо проверить.

Я наклонился и поднял с земли камень. «Время бросать камни...» Бросил во двор и стал наблюдать. Нет, не видно собак. Днем они вполне могли бы оставить звук без внимания. Слишком много днем посторонних звуков. Ночью же сторожевые собаки такого себе не позволяют. Значит, они в доме, если они есть вообще. Это может несколько осложнить ситуацию. Но арбалет и в доме стреляет так же бесшумно, как на улице. С той только разницей, что в доме дистанция стрельбы будет короче, а времени на прицел, соответственно, меньше. Следовательно, надо обострить внимание.

Двор пуст. Я совсем уже хотел было шагнуть вперед и перемахнуть решетку, когда посмотрел на окна и отступил назад. За одним из стекол мансарды отчетливо просматривался небольшой зеленый ободок. Вот так-так... Охрана не спит, охрана работает. А я чуть не подставился. Зеленый ободок бывает у бинокля со встроенным прибором ночного видения и у ночного прицела оптической винтовки.

Интересно, это ждут меня именно сейчас или просто постоянно просматривают территорию? На всякий случай... Юрок бы сказал, что после двух неудачных покушений логично предположить вероятность повышенного внимания. Мы не могли так засветиться, чтобы нас непременно сегодня ждали. Не проводили мы больших подготовительных мероприятий, которые при малейшей неосторожности оставляют следы.

Когда я бросал камень, зеленого ободка не было. Я обязательно заметил бы его. Должно быть, шум от падения камня привлеч внимание. Может быть, охранник сидел рядом с собакой, собака услышала звук и зарычала, насторожилась. Потому охранник и взял бинокль в руки.

В любом случае не отменять же намеченное мероприятие из-за какого-то бинокля. Мы и шли сюда, готовые к встрече не особенно доброжелательной. Особенно я... Здесь так встречаются любого постороннего, не только нас.

Но атака с фасада отпадает.

Страшного в этом лично я не вижу. Значит, зайдем с другого конца.

Будь что будет, но мне обязательно надо идти сегодня вместе с Юрком.

Обязательно!

3

Постоянно короткие гудки. Дозвониться удалось только с третьего раза.

– Генерал Легкоступов. Мне машину. Домой еду.

В трубке продолжительная пауза.

– Извините, товарищ генерал, – вяло и невнятно, словно одновременно прожевывая что-то, ответил дежурный по гаражу. – Ни одной свободной не осталось. Подождите немного. Как только что-то появится, я пришлю.

В боксе это называется «удар ниже пояса»...

Раньше такое было бы невозможным. Еще вчера и даже сегодня утром такое было бы невозможным! Сидит там какой-то полуграмотный прапорщик, разгадывает популярные ныне сканворды и решает, кому дать машину, кому нет? Это называется порядок нынешних времен? И ему, генералу, прапорщик машину не дает, потому что он уже почти генерал вчерашнего дня. Хотя, откровенно говоря, сам прапорщик на такое не способен. Не решился бы. Значит, было ему указание сверху. Вопрос только в том – от кого это указание исходило.

Минуту подумав, Геннадий Рудольфович начал подозревать, что чей-то умысел острожно и неназойливо подталкивает его в руки людям, имеющим в нем заинтересованность. Создает недовольство состоянием отношений с Конторой, поглотившей, словно прожорливое чудовище, всю его предыдущую жизнь, все таланты, помыслы, стремления, с Конторой, сделавшей из него – человека! – только шестеренку равнодушной государственной машины. Недовольство легко перерастает в обиду, а обида часто требует если не мести, то необходимости доказать, что рано его списывать со счетов. Достаточно грубо работают, но верно. На человека, хуже знающего «кухню заговора», это подействовало бы. Подействовало бы на современного сотрудника. Но он-то прошел школу КГБ, он сам умел в совершенстве планировать и организовывать подобные мероприятия.

Ждать генерал не стал, решив пройтись по вечернему городу пешком. К тому же после раздумий ему захотелось проконтролировать возможные «хвосты». Из машины при нынешнем интенсивном движении на улицах Москвы это трудно.

Геннадий Рудольфович так давно уже видел Москву только сквозь тонированное стекло машины, что неожиданно для самого себя удивился той жизни, которой жила вечерняя столица. В годы его молодости город был совсем иным. Да и не только в молодости, и в последующие годы, когда еще, в соответствии с количеством и внешним видом звездочек на погонах, пешком приходилось ходить чаще, чем пользоваться служебным транспортом, все выглядело иначе. И не только люди, сам город выглядел иначе. Не был таким броским, манящим бурливой жизнью. Москва перестроилась стараниями тех же финансово-промышленных групп. На их деньги, известным образом сконцентрированные в ограниченном количестве загибающих беззащитных рук. Сейчас эти деньги делают новые деньги, трудятся в прогрессии и в

прогрессии же растут. Зачем? Чтобы составить следующую прогрессию? Привыкший больше думать о работе, чем о деньгах, Геннадий Рудольфович откровенно этого не понимал.

К удивлению, «хвоста» генерал за собой не обнаружил. Он специально пошел круглым путем, проехал две остановки в троллейбусе, потом вернулся на два квартала назад пешком – «хвоста» не было, и он даже почувствовал от этого неудовлетворение.

На глаза попался магазинчик, торгующий подключенными сотовыми телефонами. Эти магазинчики сейчас чуть не на каждом углу расположены. И работают многие круглосуточно. Еще раз оглянувшись, уже насмешливо-демонстративно, Геннадий Рудольфович вошел и приобрел себе новый «сотовик». Даже не зная еще, для чего это делает, – просто что-то толкнуло на такой поступок. Может быть, подозрения, что домашний телефон так же ненадежен, как служебный.

– А кому звонить? – спросил он себя вслух, выйдя на улицу, и поймал удивленный взгляд проходящего мимо очкастого паренька. Разговаривающий сам с собой прохожий всегда вызывает не только удивление, но и настороженность. – Абсолютно неизвестно, на кого можно положиться, кроме самого себя...

Последние слова он уже произнес себе под нос, горько кивая им в такт головой. Никогда не имея привычки произносить мысли вслух, сейчас генерал умышленно ломал сложившийся стереотип поведения. Это понравилось и даже заставило едва заметно улыбнуться. Но так он более отчетливо осознавал, что вступает в новую жизнь, где былым стереотипам, возможно, места не найдется.

И только после этого он пошел домой напрямую. Уже не оборачиваясь и не вычисляя «хвост». Устал...

Дома еще ничего не знали о предстоящей пенсионной жизни главы семейства, и он усердно старался вести себя так, как ведет обычно. А обычно он был поглощен делами, которые из головы не выходили ни на минуту, и потому ему легко было скрыть некоторую собственную растерянность. «Сильную растерянность!» – уточнил он мысленно.

Геннадий Рудольфович никак не мог решиться обратиться к младшей дочери. Именно к ней приезжал тот человек, который установил «жучки» и в квартире, и на даче. Конечно, для влюбчивой девочки вся эта история казалась трагедией, утратой иллюзий. Трагедией она казалась и самому Геннадию Рудольфовичу. Когда дело касалось собственной повседневной работы, его меньше всего интересовала судьба семей тех, кто противостоял ему даже случайно. Но когда дело коснулось его семьи, он понял, насколько это бывает больно.

Если быть абсолютно дотошным, спросить дочь следовало бы. Хотя она и не могла сказать ничего нового. Но какую-то деталь, какую-то интонацию уловить было бы можно. И все же Геннадий Рудольфович не решился. Свою семью, своих родных хотелось беречь. И ведь именно им откровенно угрожал сегодня Решетов. Кто знает, какие неприятности ждут жену и девочек впереди. Стоит их поберечь...

После ужина он закрылся в кабинете, сел за письменный стол, опять положив на столешницу ладони, и закрыл глаза. Он не знал, что предпринять. Он не знал, к кому обратиться, чтобы не подставить себя и – главное! – семью. Надежды не было даже на директора.

И вдруг вспомнил!

Открыл ящик стола и долго рылся среди вороха многолетней давности бумаг, которыми пользовался редко или никогда не пользовался. Давно собирался провести в ящике чистку и основательную ревизию, но руки не доходили.

Не сразу, но он все же нашел пожелтевшую от времени визитную карточку. Совместно с этим полковником ГРУ они две недели плотно работали в Чечне в первую чеченскую кампанию.

Набрал номер с нового «сотовика». Служебный телефон не ответил. Понятно – за окном ночь. Достал лупу и с трудом разобрал подписанный ручкой номер домашнего телефона. Пусть и поздно уже, но это выход...

– Слушаю, – ответил сонный голос.

Генерал назвал себя, сказал, что звонит по чрезвычайным обстоятельствам и ему необходимо немедленно встретиться.

– По телефону объяснить нельзя?

– Исключено.

– Куда подъехать? – В решительности полковника чувствовалась армейская мобильность.

Через сорок минут они беседовали, прогуливаясь по улице, потом полковник уехал и позвонил уже домой генералу. Опять на новый «сотовик».

– Выходите туда же, где мы разговаривали. К вам подъедет полковник Мочиллов. Он знает вас в лицо. Работал против вас по делу Ангелова.

Растерянность и несобранность уже покинули Геннадия Рудольфовича. Когда начинается дело, он всегда мыслит четко и конкретно. И всегда знает, что следует предпринять.

4

Я присел так, чтобы слиться с высокой травой, растущей вдоль решетки, и снизу постарался вычислить «мертвую зону» – место, которое хуже всего просматривается и от фасада, и из боковых окон. Естественно, «мертвая зона» ближе к углу забора. Я переместился на десяток шагов назад, подпрыгнул, уцепился руками за край и осторожно подтянулся, чтобы выглянуть. Не опускаясь на землю, только помогая себе ногами, упертыми в стену, передвинулся еще на пару метров дальше. Еще раз выглянул, осмотрелся и только после этого снова подтянулся и уже смело перепрыгнул внутрь двора. Мягко, мягче, чем камень, мною недавно брошенный, упал, приземлился. Если там, в доме, собаки, то я должен быть кошкой. Собаки обычно не слышат, как ходят кошки, и кошки всегда этим пользуются. Умеют под самым носом у собаки проскользнуть.

Здесь, под забором, я малозаметен. Еще раз осмотреться, проверить фланги. Так. С правой стороны какая-то деревянная будка, сарайчик малюсенький. Очевидно, для садового инвентаря. Юрок допустил ошибку, не отметив на чертеже этот сарайчик. Там вплотную друг к другу поместятся два человека. Если обойдутся без секса, то их будет не видно и не слышно.

Два человека? Два человека поместятся там вполне, но их туда поставят только в том случае, если кого-то ждут. И инвентарь предварительно вытащат, иначе там и встать будет негде. Сейчас нас не ждут. Сейчас просто нет причин нас ждать, потому что мы предпочли появиться неожиданными. Так должно было бы быть. А как будет в действительности?

Во дворе спокойно, как в городском парке утром, когда дворники еще не пришли, а гуляющие еще не проснулись. Чуть высунуться вперед. Еще несколько быстрых и внимательных взглядов. Все проверить! Абсолютно все...

Беззвучная перебежка. Хорошо, что дорожка бетонная, а не гравийная. По гравию бежишь, словно тебя сопровождает паровозный гудок – вся округа шуршание слышит. Теперь прижаться к углу. Даже вжаться в угол. Мне всегда нравились дома с такой замысловатой архитектурой. Вообще-то я отделяю украшательство от украшения. Но не бываю против первого, если мне предстоит работать с таким объектом. Всегда найдется в стене ниша, в которую можно вжаться и стать незаметным, или угол, за который можно спрятаться.

Нишу я нашел. Почти на самом углу. Посмотрел в сторону другого угла – заборного. При неверном свете луны там обрисовалась голова Юрка. Я взмахнул рукой. Только один раз. Этого хватило для тренированного глаза. Напарник моментально оказался по эту сторону. И выполнил все те же самые маневры, что выполнял минутой раньше я. Так же осмотрелся, вымеряя

«мертвую зону», так же оценил возможную опасность со стороны. Школа чувствуется, и я даже ощутил легкую гордость за эту школу, в которой был главным преподавателем.

Еще один жест. Голова под луной кивнула. Юрок начал осмотр своей половины дома, я направился в противоположную сторону периметра. Моя задача сложнее. Мне следует пройти перед входной дверью из тяжелого металла. Металл прикрыт деревом, но это не прячет даже внешне основательную тяжесть. Не дверь, а крепостные ворота времен раннего очень романтического Средневековья. Собаки или хотя бы одна из собак может оказаться там, сразу за дверью. Поэтому двигаться следует с мягкостью кошки. Что я и выполнил. И не забывал зацепиться взглядом за каждый возможный выступ, за каждое окно, примериваясь, приглядываясь, оценивая возможность бесшумного проникновения. Самое интересное было бы в ту комнату проникнуть, где зеленый ободок светился. Вот такого проникновения никто не ждет. Но бесшумно это сделать невозможно.

Не увидел я и другой возможности. Весь первый этаж закрыт плотно. В окнах стеклопакеты, которые взламывать трудно. Слишком высоки сами окна. И неизвестно, что там – за стеклом...

С Юрком мы встретились у лестницы в подвал. Напарник трижды категорично показал мне пальцем – только эта дверь. Возражений я не нашел, потому что сам пришел к выводу о трудности проникновения в другом месте, и первым спустился под козырек из черепицы на девять бетонных ступеней. По правде говоря, если существует только один-единственный путь, то надо быть готовым, что этот путь для тебя специально приготовили и ждут тебя за дверью с распростертыми объятиями.

Но иногда приходится выбирать и такой вариант. Обдуманно.

Обстоятельства заставляют!

Юрок за моим плечом, отстает на полшага. Я достал из кармана связку отмычек, протянул ему. Он усмехнулся в темноте и достал из своего кармана точно такую же связку, спокойно, словно всю жизнь этим занимался, приступил к колдовству над замком. Это заняло всего несколько минут. Петли хорошо смазали к нашему приходу – убедился я! – дверь даже не скрипнула, когда Юрок распахнул ее и посторонился, пропуская вперед старшего по званию. Но старший по званию не торопился.

Я сначала потрогал пальцем дверную петлю и сам палец в темноте понюхал. Так и есть, петли только-только смазаны. Ждут нас с нетерпением. После этого я со спокойной совестью оглядел двор у себя за спиной. И в голову пришла шальная мысль. Очень уж не понравилась мне будка-сарайчик для садового инвентаря. Я спокойнее отнесся бы к ней, если бы Юрок занес это архитектурное излишество в свой план. К тому же зачем я тащил с собой этот арбалет? Разве можно выпустить из рук оружие, не проверив его в деле?

На нас смотрела только задняя стена этого излишества. Тонкая дощатая стена, которую я под хорошее настроение кулаком без замаха пробью. А уж арбалетным болтом – тем более. Я вскинул арбалет и выстрелил.

Что-то стукнуло с более значительным и тяжелым звуком, чем звук, с которым болт пробил стену. Будка даже покачнулась. Не иначе болт сбил с ног паровую сенокосилку. Но разбираться я не стал.

Поймав удивленный взгляд Юрка, я шагнул за порог, не перезарядив арбалет на случай встречи с собаками. Более того, даже за спину забросив это экзотическое оружие, правой рукой оперся о стену и нащупал выключатель. Но свет зажигать не стал. Его и без меня есть кому зажечь. На ощупь спустился еще на пять ступеней, дальше пол пошел ровный, и я отмерил очередные пять шагов, когда за моей спиной выключатель, как я и ожидал, щелкнул. Неожиданный свет обязательно слепит, и невозможно сразу оценить обстановку. Но я к такому был уже готов. Арбалет я отодвигал в сторону левой рукой, чтобы не мешался, а правая достала из нарукавной кассетницы метательный нож. Я оборачивался на полупрыжке в тот момент, когда

Юрок доставал что-то из-за спины. Я даже удивиться успел. Это оказался не обрез, который я видел раньше, а странного вида, в самом деле на обрез чем-то похожий, большой пистолет. По лицу Юрка я понял, что он нажал на спусковой крючок тогда, когда нож вылетел из моей руки. Выстрела я не услышал, но видел, как мой напарник упал – нож вошел ему в горло, и не спасла великолепная наетость шеи, а потом пол под моими ногами зашатался, куда-то поплыл, и я сам стал падать...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Легкоступову пришлось улаживать дело со сроком отставки в просящем режиме. А он выставляться просителем никогда не любил, даже будучи еще простым офицером. Но заставил себя, написал рапорт с просьбой разрешить сначала отгулять отпуск, потом готовить все необходимые документы для пенсии. Думал, что встретит такое же понимание, как встретил вечером в гараже, куда позвонил, чтобы вызвать дежурную машину. Это унижало и генеральские погоны, и простую мужскую гордость.

На удивление, в кадрах охотно пошли навстречу просьбе генерала. Поговорили с ним почти ласково, дали несколько советов насчет отдыха. Впрочем, о подобном предупредил накануне Решетов своим звонком, хотя не верилось в такое всемогущество. Всемогущество подтвердилось. Значит, щупальца организации тянутся и сюда. Длинные, чрезвычайно длинные и сильные щупальца. Тогда тем более необходимо заниматься этой организацией срочно и плотно, и посильное участие должен принять каждый, кто имеет возможность доступа. Невзирая на звания и должности. Даже генерал-отставник, каким Легкоступов уже считал себя. Воспитанный в годы, когда думалось, что миром и порядком в нем правят две соседствующие равноценные величины – руководство партии и КГБ, Геннадий Рудольфович по инерции не воспринимал всерьез никакую оппозицию. Оппозиция обязательно должна быть или полностью карманной, управляемой и с потрохами купленной, как сейчас происходит с парламентской коммунистической оппозицией, или врагом, с которым следует бороться и которого необходимо как можно скорее уничтожить. А уж любая тайная организация – это уже не оппозиция, это заговор, удар в спину. Сейчас партия сменилась правительством, президентом и их друзьями. Тоже своего рода партия, только не заявленная и не разрекламированная. На смену КГБ пришла ФСБ. И оппозицию терпят. Но тайную оппозицию терпеть нельзя. Тайная оппозиция – это все равно тот же самый заговор, против которого все существо Легкоступова рвалось активно и бескомпромиссно бороться. Но и бороться он привык втихомолку, без криков и глупых лозунгов, тайными методами. Сейчас подошло время именно такой борьбы. И весь свой опыт генерал готов был положить на это дело.

Завершив оформление отпуска и даже, к удивлению, без обязательной в последние времена задержки получив в финчасти мизерные отпускные, Геннадий Рудольфович сначала заглянул к себе в кабинет, переложил свою папку с неучтенными документами в портфель, учтенные документы отнес в «секретку» и, как полагается, сдал, а потом сразу, не заглядывая в отдел, словно стеснялся своего нынешнего положения, вышел из здания, казавшегося уже почти чужим. Опять вышел через первый подъезд. Проверив «хвост», прошел по улице, заглянул в «Детский мир» и оттуда, из толпы, позвонил по «сотовику» полковнику Мочилову.

Старенький фургончик «Форд», разукрашенный по бортам рекламными вывесками, подъехал к нужному подъезду «Детского мира». Не оглядываясь, Легкоступов вышел из магазина вместе с толпой, за секунду отделился от нее и юркнул в открытую перед ним дверь, которая сразу же закрылась. И так быстро юркнул, что ему, солидному генералу, правда, больше привыкшему носить гражданские костюмы, чем мундир, но обычно соблюдающему приличествующую званию степенность, показалось даже, что он суетится. Но обстоятельства требовали быстроты, от которой он за последние годы отвык. Про степенность следовало забыть, потому что сейчас он вновь занялся оперативной работой, а не стратегическими разработками, которые выполнять предстояло другим.

В фургончике прямо на металлическом рифленом полу стоял маленький копировальный аппарат с автономным питанием.

– Вот... – согнувшийся из-за низкого потолка, генерал достал из портфеля папку с бумагами и протянул человеку в непонятной синей униформе – в такой обычно сборщики мебели ходят и грузчики в фирменных магазинах. Тот молча начал копировать, а Геннадий Рудольфович, за минуту устав стоять согнувшись, сел на узкую скамью, закрепленную вдоль борта. С его ростом сидеть так было неудобно, но генерал терпел. Некогда тренированное тело это все еще умело.

Процесс занял около пяти минут. Отдельные листы аккуратно, словно их и не перебирали, были водворены в папку на прежнее место.

– Все готово, товарищ генерал, – неожиданно улыбнулся человек в униформе. Сначала казалось, что его мрачное лицо совсем не умеет улыбаться. – Разрешите ехать?

– Поехали. – Легкоступов убрал папку в портфель. – Меня высадите на Комсомольском проспекте, сразу за мостом.

– Есть, товарищ генерал.

Среди сотрудников ГРУ субординация чувствуется больше, чем в ФСБ, – с удовольствием отметил про себя Геннадий Рудольфович. Все-таки армия!

Водитель команду слышал и сразу тронулся.

– Мочиллов выполнил мою просьбу?

– Так точно, товарищ генерал. Что смогли, узнали. Машина Решетова закреплена за гаражом Государственной думы. Ни среди депутатов, ни среди помощников депутатов, ни даже среди аппарата Думы человека с фамилией Решетов нет. Остальные мероприятия ведутся по плану. Начинаем осторожно прорабатывать водителя. Но это тонкая ниточка. Водитель не должен знать много. Однако может знать адреса постоянных поездок. Через пару дней после вашего отъезда мы возьмем его в плотную разработку. Машина попадет в аварию, а к водителю применим спецсредства. Не думаю, что простой водитель сможет противостоять им. Это не серьезный агент, и ему просто негде было пройти обучение устойчивости. Тогда что-то выяснится. – Спасибо. Водитель – это все равно вариант. А вы не можете спугнуть самого Решетова? Любая проверка сразу укажет на меня, и все может рухнуть. Хотя, мне кажется, он не очень-то и боится кого-то.

– Товарищ генерал... У нас, извините, специалисты не чета вашим. Нас демократическая чистка не коснулась.

– Это верно! Старые опытные кадры?

– Кадры молодые, только школа старая. А старые кадры охотно передают молодым свой опыт.

– Действуйте.

2

Туман из головы уплывал медленно, без торопливости, словно настоящий, природный туман с реки вместе с течением. Я начал ориентироваться, не показывая еще этого, хотя и не знал, наблюдает ли хоть кто-то за мной. Просто сработал инстинкт.

Совсем недавно меня доставляли в таком же точно состоянии на самолете размерами поменьше в реабилитационный центр ГРУ. И сопровождение было более приятным. Хорошо было бы и сейчас туда же отправиться в том же сопровождении, но я знаю, что нынешний путь наш лежит под облаками в несколько ином направлении. Только вот в каком? Хорошо бы хоть это определить. Единственное, что я знаю: в прошлый раз меня отправляли для того, чтобы «вытащить» каким-то образом из меня сведения, которых я не помню и вспомнить не могу. Сейчас меня куда-то отправляют, несомненно, с той же целью, только уже совсем другие люди.

Они думают, что увозят меня насильно. Это я заставил их думать так. На самом деле мне просто необходимо с ними познакомиться. Более того, я изо всех сил рвусь к этому, все средства использую и по-настоящему через трупы перешагиваю. Совместные результаты должны дать плоды. Однако – прописная истина, но неизменно верная – когда у двух величин совпадают векторы приложения сил, результат может быть совсем не таким, какой ожидается одной из этих величин. Они ожидают, что я вспомню то, чего не знаю. Я ожидаю, что узнаю то, что они скрывают. Посмотрим, кто кого...

Но для начала следует вспомнить не то, что я не знаю, а только то, что я должен знать и помнить, чтобы правильно сориентироваться и вести себя надлежащим образом.

* * *

...Я метнул нож с разворота в полупрыжке, что мешало противнику в меня прицелиться, и видел, как лезвие вошло Юрку в горло. Иногда, когда тренируюсь на чучеле и бросаю нож так же в полупрыжке с разворота, даже если изо всех сил стараюсь промахнуться, все равно автоматически попадаю в горло. Двадцать лет почти ежедневной тренировки – это как тюрьма, никуда от приобретенных навыков не уйдешь. Они уже становятся безусловными рефлексами, и мне иногда кажется, что эти умения у меня на лице написаны, когда я просто по улице гуляю.

Но и Юрок былую быстроту не потерял. Он всегда был отличным стрелком – биатлонист хренов! – и в последнюю долю секунды успел в меня выстрелить. То, что я наивно принимал за обрез, оказалось искусно выполненным пневматическим пистолетом, стреляющим шприцем с сильнейшим, надо думать, снотворным. Потому у меня еще и не прошел туман в голове.

Мы рассчитались. Я рассчитался за предательство, Юрок выполнил свою работу и усыпил меня. Не знаю, может быть, и не стоило его убивать. Скорее всего, не стоило. Человеческая жизнь всегда имеет собственную ценность. Даже для меня, в недавнем прошлом высококвалифицированного киллера. А с Юрком мы долго воевали бок о бок. Это многого стоит. Хотя, говоря откровенно, именно это и вызвало невидимый со стороны всплеск моих эмоций, что и привело к такому плачевному концу.

Предают только свои – гласит известная мудрость.

Предательство всегда хуже и подлее откровенной вражды. Предателей уничтожать стоит даже как единицу носителя генетической информации. Чтобы никому больше эта информация не перешла по наследству.

* * *

...Но мне больно. Щемит что-то в душе. И вокруг боль чувствуется. Словно аура боли меня окружает. И чужой, и собственной. Я думаю, это потому, что нет уверенности в правоте содеянного. Но, как говорят французы, «на войне, как на войне». Через боль и через собственные страдания я наказал предателя. Бывшего товарища, ставшего предателем. А больно потому еще, что никто не знает, за что Юрок наказан. Все считают, что я просто защищался так, как должен был защищаться специалист моего уровня, и убил его. Просто потому убил, что убивать я умею лучше, чем делать что-то другое. Лучшие специалисты государства за государственный же счет качественно учили меня этому. Я учил Юрка, но ученик учителя навыками не превзошел. Стоит его пожалеть, хотя по большому счету и не надо бы... Я просто победил своего ученика. Так *они* думают.

Но мне и самому тоже надо, чтобы *они* так считали. Пусть считают. Пусть знают, что человек я сугубо серьезный и шутить со мной опасно. Пусть будут уверены, что оружие я пускаю в ход еще до того, как начинаю думать.

Но я все равно своего ученика победил. В другом, о чем *они* не догадываются...

* * *

...Куратор назначил мне встречу опять не в установленный срок. Только два дня прошло, как он передал мне из Москвы посылку от полковника Мочилова – кассету с моими фирменными метательными ножами и именной пистолет, которые я не смог взять в самолет, – как снова позвонил. Сам пожелал ко мне явиться. И явился, хотя раньше никогда домой не приходил – мы встречались в ресторане, где куратор официантствовал.

Шаркая по-стариковски тапочками, он побродил по комнатам, с неодобрением рассмотрел вывешенную на стене коллекцию холодного оружия, неумело ударил пару раз по тренировочному мешку и одобрительно, будто бы знаток, постучал ладонью по сиденью велотренажера. Поведение куратора показало мне достаточно ясно, что он растерян. Пришел с разговором, но не знает, с чего начать.

– Вам какая-то помощь нужна? – поинтересовался я, желая поскорее начать и закончить разговор, потому что резину тянуть не люблю.

Я поинтересовался, а не он, который должен оберегать меня от всяческих нападений, выслушивать мои откровения в моменты, близкие к саморасконсервации, и вообще всячески обо мне заботиться.

– Как у тебя, капитан, самочувствие? – спросил куратор почти сердечно.

Судя по манере разговора, по уверенности и по обращению на «ты», куратор не в низких званиях. Но его расспрашивать не рекомендуется. Я отношусь к нему просто как к старшему по возрасту. Только по возрасту, а не по опыту, потому что опыт у него, несомненно, должен иметь иной, отличный от моего характер.

– Вашими молитвами... Исключительно... И регулярно... – не упустил я возможности подурачиться.

– Приступы не случаются?

– Когда подходит им время.

– Ну-ну...

И он пошел рассматривать мою небогатую кухню. Я вынужденно стал его сопровождать, совсем не чувствуя себя экскурсоводом. Скорее экспонатом некоего квартирного музея.

На пороге кухни куратор вдруг резко обернулся и сказал, глядя мне в глаза своим мутным взором:

– Ты можешь отказаться...

Будто он что-то мне предложил. Или считает, что я его мысли читаю, как печатный текст... Что-то, кажется, перемудрил Мочиллов с моими сверхспособностями.

– Это зависит от того, какого рода работу вы мне предложите. Вот, к примеру, работа определенного рода, в которой я недавно специализировался, сейчас меня не устроит.

– Ты можешь отказаться, но они тебя все равно в покое не оставят. На время мы, конечно, можем тебя спрятать. Но ты же человек неусидчивый. Не любишь четыре стены...

Это верно. Не построили еще тюрьму, которая смогла бы меня удержать. Это я могу без хвастовства заявить. И нет охраны, которую нельзя положить не совсем для нее удобно. Если только, разумеется, эта охрана не прошла одинаковую со мной школу.

– Значит, они не угомонились? Мне по наивности показалось...

– Это уже не ФСБ, – резко перебил меня куратор. – Это еще какое-то чудовище, которое порой и самой Конторой вертит.

Новость, скажу прямо, не слишком меня обрадовала. И даже заставила в удивлении поднять брови. Не много найдется организаций, которые могут позволить себе такую роскошь – вертеть ФСБ.

– Что за чудовище?

– Чудовище, перед которым мы абсолютно слабы, как младенцы безмятежные перед Иродом, – заговорил вдруг куратор высоким штилем. – Так-то вот, капитан. А слабы мы потому, что совершенно не имеем информации. Никудышная мы разведка, если прозевали такое под носом, внутри страны.

– А разве внутри страны – это тоже наша сфера деятельности? За что тогда наш бедненький народ налоги на соответствующие спецслужбы платит?

– Вот в том-то и беда, что это чудовище поглотило часть ФСБ. Это нам точно известно. Не сомневаюсь, хотя таких данных у нас и нет, что с МВД история таким же образом выглядит. Возможно, и с Генеральным штабом, и с армейскими частями.

– Заговор, что ли? Придворные интриги? Мадридский двор?

Куратор вздохнул совсем не притворно.

– Не знаем мы. Потому и слабы.

Я вздыхать не обучен, потому просто злобно «цыкнул». Не всегда приятно ощущать себя дичью. Если охотников вычислил и знаешь почти в лицо – дело проще. Неизвестные охотники меня, как ни странно, не радуют.

– И это чудовище интересуется моей скромной особой? Неужели опыт ФСБ ничему их не научил?

– Твоей особой и особой капитана Пулатова. Пулатов уже у них. Захватили его. Он согласился работать, несмотря на инвалидность. Начальник управления подписал приказ о возвращении Пулатова на службу. А ты можешь отказаться. Имеешь полное на это право. Тогда тебя на какое-то время спрячем.

А в голосе такая тоска, будто он ее рукой неумелого художника рисует. Аналогичными талантами, насколько помнится, пресловутый Остап Ибрагимович обладал.

– Как захватили Пулатова?

– С потерями. Шестерых он уложил. Его усыпили выстрелом шприца со снотворным. И захватили.

– Меня тоже усыпят?

– Значит, согласен?

Не в лице, а только искрой в его глазах мелькнула радость.

– Я не люблю прятаться в своей стране. Я здесь один из хозяев.

– Годится... Тогда поговори с полковником Мочиловым, – куратор протянул трубку. По странноватому внешнему виду я догадался, что это «сотовик» скрытой связи. Во времена моей службы таких в армии не было. Но тогда были такие солдаты, как я. А сейчас таких солдат нет. Потому за мной и охотятся некие неизвестные чудовища.

3

Решетов ждал генерала в своей машине, источая запах дорогих мужских духов. Водитель все так же услужливо открыл дверцу и отправился к очередному газетному киоску рассматривать любимую порнографию. Легкоступов мимоходом подумал, что если подобные свидания у Решетова происходят часто, то вскоре из водителя естественным образом воспитается сексуальный маньяк. Таких только, кажется, пока нет в Государственной думе. Всех остальных набор полный! Хотя если поискать...

– Здравия желаю, товарищ генерал, – в голосе Решетова слышится легкая кошачья издевка – следствие уверенности в себе перед мышью. Он – хозяин положения. Он диктует условия отношений. Он – типичный негодяй, прислуживающий политическим нуворишам.

– Здравствуйтесь, господин заговорщик, – генерал без усилий вставил в голос презрительные собачьи нотки, которые котам обычно не нравятся.

– Почему заговорщик? – спросил Решетов, уже не мурлыча, но еще не выгнув спину с одновременным шипением, как каждый кот делает при появлении собаки.

– Потому что так я формулирую суть вашей деятельности. Если вам это не нравится, могу вас называть господином шантажистом, террористом или еще чем-то подобным. Вас это устроит?

Геннадий Рудольфович играет свою роль продуманно и искренне. Никто не поверит, что он с распростертыми объятиями, восторженно брызжа слюной, бросился навстречу Решетову. Легкая и выверенная неприязнь в этом случае должна выглядеть более естественной. И не надо обладать особым артистическим даром, чтобы эту неприязнь показать. Он сотрудничает по принуждению – это и формирует его отношение к оппоненту. Одновременно следует и Решетова на место поставить. Пусть знает, что сильно командовать собой Легкоступов тоже не позволит. Он сам по себе личность сильная. Собака сторожевая, которая на хитрые кошачьи выкрутасы смотрит с презрением.

– Пусть будет так, Геннадий Рудольфович, – усмехнулся Решетов. – Если вам так нравится больше, я не буду сильно возражать.

– Как, кстати, вас звать-величать?

– Решетов.

– Имени при рождении родители для вас пожалели?

– Я привык к своей фамилии. Она отвечает моей сущности. Приглядываться ко мне бесполезно, товарищ генерал, даже таким опытным сотрудникам ФСБ, как вы. Я всегда пропускаю все взгляды сквозь себя. Решетов – от слова «решето». Но если вам необходимо иное наименование, можете звать меня Администратором. Это моя должность.

Решетов откровенно рисовался. Слишком он сам себе нравился, чтобы быть серьезной фигурой, какой желал бы казаться.

Теперь усмехнулся генерал. Беспольной болтовней он маскировал другое. Его сейчас беспокоило, что стекла в машине слабо, но все же тонированные. Смогут ли парни из ГРУ сфотографировать Решетова через это стекло? Обещали какую-то инфракрасную съемку произвести. Чтобы затемнение не помешало. Сам Геннадий Рудольфович опытным взглядом старался поймать наблюдение. Но ничего не заметил. И это при том, что он знает о существовании такового. Значит, Решетов, который и должного опыта не имеет, и о наблюдении не знает, тем более ничего заметить не должен. Чтобы замечать слежку специалистов, все-таки необходимо самому быть специалистом. Хотя даже это не дает гарантии.

– Я принес документы, которые вас интересуют.

– Покажите.

Генерал открыл портфель и достал папку.

Решетов открыл ее в середине, мельком взглянул и отдал папку Легкоступову.

– Держите это при себе. Вы сами будете беседовать с Ангелом. И с Пулатовым тоже.

– Они у вас? – почти непритворно удивился генерал. На самом деле полковник Мочиллов уже посвятил его в детали разработок своего ведомства, чтобы можно было при случае скоординировать работу.

– Пулатов точно у нас. Мне пока не сообщили, но вот-вот должен быть у нас и Ангелов.

– Сомневаюсь, что это вашим людям далось легко. Я имею представление о том, чего каждый из них стоит.

– Правильно сомневаетесь. Пулатов уложил шестерых из группы быстрого реагирования. И еще трое из службы наружного наблюдения бесследно пропали вместе с машиной. Я так полагаю, что и здесь не обошлось без его инициативы. Слишком велики потери. Если и Ангелов такой же, нам скоро придется заново формировать отряды своей безопасности. А туда каждого встречного мента или охранника не возьмешь, сами понимаете. Но с Ангеловым работает наш лучший специалист, который лично близко знаком с ним. Это, думаю, облегчит задачу.

– Один положил шестерых... Я не приступал к плотной разработке Пулатова. Послужной список у него с Ангеловым одинаковый. Такого результата и следовало ожидать. – Генерал не высказывал мнение, а словно размышлял вслух специально для Администратора. – Не расстраивайтесь сильно и будьте готовы к дальнейшим неприятностям. Я вам их твердо обещаю. Могу даже гарантировать. Капитан Ангелов ни в чем не уступает капитану Пулатову. Более того, если вы внимательно посмотрите документы, то убедитесь, что он не однажды показывал такие чудеса... Готовьтесь к неприятностям.

Раз подвернулся случай, Геннадий Рудольфович не удержался, сказал двусмысленность, пользуясь тем, что собеседник эту двусмысленность понять не в состоянии. Сам же генерал обещал неприятности совсем другие, которые желал бы и планировал устроить.

– Тем лучше... Тем лучше... – своим мыслям, должно быть, отвечая, промышчал Решетов.

Впрочем, похоже, что его мысли отвечали и скрытым мыслям самого генерала. Но этого показывать было нельзя.

– Чем – «лучше»? Большими потерями в личном составе?

– Эти потери только подтверждают, что мы нашли как раз тех людей, которых так долго искали. С вашей помощью нашли. Но вернемся к делам. Сегодня приготовьтесь. Вечером, в районе двадцати двух часов, за вами приедет вот эта машина, – Администратор стукнул ладонью по спинке сиденья водителя. – Вас отвезут в аэропорт. Меня здесь не будет. Водителя зовут Рамон Павлович.

– Кто он по национальности? Имя странное.

– Не знаю точно. Кажется, эстонец или испанец... Что-то такое... Не забудьте свою папочку, – указал Решетов на портфель.

– Куда я полечу?

– Это вы узнаете, когда прилетите.

– Что – спецрейс? – спросил Легкоступов, понимая, что на простые рейсы обычно объявляют посадку и скрывать информацию бесполезно.

– Спецрейс.

4

Привычка – великое дело. Лежать и не открывать глаза, пока не оценишь обстановку полностью, – привычка человека, часто сидящего в засаде. Что я и сделал, в самом деле ощущая себя в засаде, а не в самолете, который летит в неизвестном направлении. То есть эту засаду я устроил в самолете. Если бы они – те, кто распоряжается сейчас моим телом, но не мыслями – знали, что я в самом деле нахожусь сейчас в засаде, они вели бы себя иначе.

– Не проснулся? – голос почти сочувствующий.

– Дрыхнет, – а этот с хрипотцой. Его обладатель, как я понимаю, обычно курит сигарету за сигаретой. Того и гляди, начнет сейчас надсадно кашлять.

– Жив он хоть? А то кто знает это снотворное... Оно же для животных приспособлено. Слонов таким в Африке валят. Дозу-то никто толком не знает...

Пальцы, шершавые и грубые, легли мне на сонную артерию. Мне стоило большого труда удержаться и эти пальцы не сломать. Неприятные они. По ощущению, по прикосновению – можно вычислить общий характер человека и возможных взаимоотношений с ним. Так же, как в городском транспорте в часы пик. С кем-то рядом стоять не хочется – раздражает, другой оставляет равнодушным. К третьему – пардон, к третьей! – прижимаешься с удовольствием даже спиной.

– Дышит.

– Пристегните его покрепче. А то свалится при посадке. Аэродром-то еще тот...

Чьи-то руки бесцеремонно пристегивают меня к носилкам на колесиках. Такими носилками сейчас «Скорую помощь» оборудуют. Лежать привязанным – для меня с моим характером – приятного в этом мало. Одно радует – таким образом обо мне заботятся. Чтобы не повредить драгоценный сосуд, в котором хранится какая-то информация. Имеется в виду моя голова. Боюсь только, что та информация была эфирного характера и улетучилась. Оставила лишь отдельные следы, не всегда чистые и потому заметные опытному взгляду...

Руки привязывающего пахнут сигаретами. Значит, сонную артерию мне не он прощупывал. Тот, кто прощупывал, пока не проявляет активности. Значит, в салоне самолета, по крайней мере, три человека. Уложить бы их сейчас всех здесь же, друг на друга. Потом с пилотами побеседовать и указать им иное место посадки. Под хорошее настроение я поступил бы так с большим удовольствием, но тогда вообще зачем я в это дело ввязался? Желания и возможности не всегда совпадают с целью. Мне и нужно, чтобы меня куда-то привезли. Хотя бы узнать – куда?..

* * *

– Вы имеете полное право отказаться, – сказал по телефону полковник Мочиллов. В отличие от куратора он разговаривает со мной исключительно на «вы». То ли куратор званием постарше, то ли Мочиллов интеллектом повыше.

– И что тогда?

– Тогда мы постараемся своими силами обеспечить вам безопасность.

– Поставите в подъезде пост из роты спецназа?

– Зачем? Страна у нас большая...

– Я уже согласился. Как там капитан Пулатов?

– Он уже приступил к работе.

– Чего ждать мне?

– Едва ли они пойдут на открытое предложение. Пулатову такого предложения не поступало. Это значило бы раскрыть себя прежде, чем появится уверенность в конечном результате. То есть без достаточных оснований вставлять промежуточное звено. Они постараются и так вас убедить. Начнут искать варианты. Я думаю, это будет как-то связано с вашей предыдущей работой. Самое уязвимое звено. Приготовьтесь. И постоянно держите нас в курсе всех событий.

– Возможно, это уже началось, только с другого конца... Ко мне обратился за помощью солдат моего взвода в Афгане.

– Говорите данные. Я записываю.

Я передал данные на Юрка. Что помнил о нем по старым временам, что сейчас знаю, что слышал. Одновременно сообщил и небогатые данные на его машину. Полковник обещал перезвонить через час. Но позвонил уже через двадцать минут.

– Нашелся ваш друг. На него в МВД досье хорошее. Трудно предположить, что он может нуждаться в чьей-то помощи. Возглавлял в Москве охранное агентство.

Я искренне удивился. Предположил даже ошибку.

– Он же в Перми живет?

– Из Перми он уехал в начале девяностых. Возглавлял охранное агентство, которое неизвестно что и неизвестно кого охраняло. Агентство не закрылось, а просто исчезло из города вместе с сотрудниками около года назад. Тогда РУБОП уже сильно интересовался ими. Сестра его жива и здорова, проживает в Подмосковье, институт бросила после первого курса, вышла замуж, родила ребенка. Больше сестер он не имел. Что касается автомобиля с пермским номером, то в Перми такой номер не зарегистрирован.

Приятные новости. У меня засосало в груди от обиды. Все могу простить. Трусость, глупость, слабость... Не могу простить только предательства. Предают свои... Только свои... Мужья, жены, дети, друзья...

– Понял. Я активизируюсь встречно.

– Варианты связи и инструкции получите у куратора. Надеюсь на скорую встречу. И берегите здоровье, не перенагружайтесь нервно.

На курорт меня полковник – мать его! – отправляет! Что ж, я отдохну и слегка развеюсь...

* * *

...Хорошо, что голоса в салоне предупредили вовремя о местной посадочной полосе. Иначе я предположил бы, что мои носилки катают по гигантской стиральной доске. Даже мне, привычному к грунтовым военным аэродромам, местный не сильно понравился. А запах пыли я ощутил, кажется, сквозь авиационную герметизацию. Это потому, что все грунтовые аэродромы, насколько я помню, могут быть занесены в Книгу рекордов Гиннеса по содержанию пыли на один кубический сантиметр воздуха.

– Сейчас, пыль уляжется, встретят... – Тот голос, который показался мне наиболее сострадательным, к счастью, любит комментировать то, что другим и без него понятно. Есть такая категория людей. К моему незрячему удовольствию, есть.

Самолет тем временем вырулил на стоянку и остановился. После шума двигателя тишина показалась блаженной. И шаги – в мою сторону.

– Развязывать?

– Зачем? Все равно вывозить.

– Вывезем, все равно развязывать. Носилки в машину не влезут.

– Может, пора и проснуться?

– Что-то долго он спит.

– На наше счастье, спит. Если проснется, ствол от него не отводи. Уж на что шеф был в этих делах дока, а он его с шести шагов точно в горло...

– А как одной стрелой сразу двоих в будке положил? Откуда узнал, что там прикрытие выставили?

– С его-то опытом...

Вообще-то, если рассудить здраво, я уже часть поставленной задачи выполнил. Прибыл к месту дислокации. Со стволом, любующимся мной, или без него – хотелось бы произвести рекогносцировку. И, если вдруг представится возможность, – подтвердить свою репутацию. Пусть Юрок был у них шефом, это значит, что я был шефом их шефа. Юрок учил их, следовательно, я смогу тоже сделать это. И даже на более высоком уровне. А уменьшить количество соперников – на данном этапе это предел моих мечтаний.

И я открыл глаза.

– Привет, Ангел, – насмешливо, с подленькой издевкой, как только со связанным и разговаривают, проговорил мелкий человечек с прокуренным голосом. Именно таким я и представлял его. – Мы тебе сейчас, наверное, чертями кажемся?

К подобному юмору лично я привык еще в военном училище. Хотя и поговаривали, что сама шутка относится к тем временам, когда древние шумеры стада по пустыням гоняли. Тогда она еще казалась особо недоразвитым людям смешной. Но каждый современный придурок считает ее плодом собственного штампованного остроумия.

– А ты, браток, похоже, наемни в аду дыма с жадности пережрал – хрипишь, словно у тебя метательный нож из горла торчит, как у твоего бывшего командира.

Хриплый разинул рот и не нашел, что ответить. Он стоял позади моей головы, следовательно, видеть его я мог только кверху ногами, но и в таком положении я заметил, как он ощутил собственное горло. Предчувствует...

– Если нет еще, не расстраивайся. Дело твое молодое. Обещаю сделать все качественно. Даже хрипнуть не успеешь.

Я почти с разбега включился в словесную дуэль с надеждой перевести ее в дуэль настоящую. Даже с тремя противниками. Счастье подвалило – им меня убивать нельзя. Только усыпить. А мне можно делать, что душа пожелает. Не могу же я отставать от Пулатова настолько. Пока девять – три в его пользу. К тому же я знаю, что ничем не рискую. А со снотворным или без него – поспать я всегда люблю. Только не всегда удается.

– Какой дурак натянул на меня смирительную рубашку? Так и будете катать?

– Сейчас развяжем. – Парень с сочувствующим голосом – ростом метра под два дотягивает – наклонился надо мной. – Только сразу имей в виду: при первом резком движении – стреляем. Сережа у нас – мастер по биатлону. Промаха не дает, – кивнул он в сторону третьего.

Третий рассматривает меня с любопытством и почти с восхищением. Определяю его по взгляду. Я хорошо знаю такую категорию людей. Сами они, как правило, чего-то стоят в рукопашной. Но судьба не дала им возможности послужить там, где служат их кумиры. Не зная меня, он делает из меня кумира, как делал, наверное, кумира из Юрка. Но при этом парень соблюдает осторожность и близко не подходит, держа двумя руками, как тяжеленную двустволку, одноствольный обрез. Очевидно, точно такой, какой был у покойного младшего сержанта. Всех, что ли, своих мастеров спорта по биатлону они вооружили такими?

– У вас уже стало на одного мастера по биатлону меньше. К сожалению... Предупреждаю! Учтите, я не люблю, когда со мной невежливо обращаются.

Двухметровый вцепился длинными пальцами в узел, с трудом растянул его, а хриплый тут же защелкнул наручники. Даже руки размять не дал. Но я ведь чистосердечно предупредил, что не люблю, когда со мной невежливо обращаются. И показал это хриплому долгим взглядом. Он смутился и отвернулся. Наверное, на своем горле внимание сосредоточил. Точно – предчувствует.

Ситуацию я, кажется, начал понимать, словно руками ее пощупал. Ими получен приказ обращаться со мной бережно. И еще они подумывают, что вдруг да стану я со временем их боевым баткой-командиром вместо Юрка. Меня, естественно, сначала будут пытаться завербовать. Потом будут пытаться принудить, если я на первое не поддамся. Но не это главное. Главное, они попытаются сделать то, что не смогли сделать в реабилитационном центре ГРУ и что мечтали попробовать сделать надоедливые доставалы из ФСБ.

Они... Кто же они такие?

Мне развязали ноги и даже не нацепили на них кандалы из якорных цепей с двухпудовыми гирями. Мне такой факт приятен. А для них это неоправданно рискованно. Но ноги следует сначала размять, раз уж не дали размять руки.

Я лениво сел на носилках, осмотрелся. Летели, оказывается, в «Як-40». Кресла только в первой половине салона. Задняя часть переоборудована для грузовых перевозок. Я – груз, как понимаю. Не очень приятно ощущать себя таковым, но ничего не поделаешь, когда колода в руках противника и его очередь сдавать карты. Моя очередь еще впереди, и пусть он сейчас передергивает. Для большой игры передергивать еще рановато. А когда подойдет момент, сдавать буду я!

Сейчас опустят трап, и с пыли грунтовой полосы войдут в самолет новые ребята. Может быть, их будет много. Тогда ситуация осложнится. Надо что-то придумать.

Я со вздохом покинул носилки, словно из мягкого кресла по необходимости поднялся, пару раз присел, разминая ноги, поморщился от придуманной на ходу боли в спине, которую выгнул на пример кота, и от всей души порадовался взглядам, которые парни от меня не отры-

вают. Боятся и гордятся, что я перед ними такой вот – скованный, беспомощный, как дождевой червь на асфальте после дождя. Должно быть, много им Юрок рассказывал про своего бывшего командира. И было, наверное, кому рассказать про мою недавнюю работу на Труповоза. Пусть боятся... А радость моя обоснована тем, что нет опаснее внешне беспомощного человека. Это тоже один из вариантов обучения в спецназе ГРУ – враг должен считать себя более сильным, несправедливо сильным. Боюсь только, что я слишком хорошо учил в свое время Юрка, а он потом обучал своих парней тем же наукам.

Со стороны трапа послышалось гудение. Трап спускают. А действовать мне трудно. Хриплый и длинный стоят в пределах досягаемости моих ног. Но достать при такой расстановке сил сумею только одного. Третий успеет выстрелить – вижу по его восхищенному лицу. И опять усыпят, но в следующий раз не потеряют осторожности. А я не уличный боец, которому все равно куда бить, лишь бы бить. Я – спецназ ГРУ, меня учили побеждать. А для этого следует проявить терпение. Терпению меня тоже учили.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

– Степь да степь кругом, – сказал Легкоступов, ни к кому не обращаясь.

– Что вы сказали? – переспросил худошавый пассажир с хищным орлиным носом, сидящий от генерала через проход.

– Степь, говорю, кругом... – Геннадий Рудольфович показал пальцем на иллюминатор.

«Як-40» шел на посадку. Странно было видеть в голой степи нормальные панельные здания, обозначающие принадлежность к городскому пейзажу. Но зданий было немного, поэтому местный пейзаж на городской не тянул.

– Впервые сюда? – спросил пассажир.

– Впервые.

Генерал хотел было спросить – куда, но это выглядело бы слишком странно. Так разговор завязать все-таки не стоит. Информацию можно брать из любых источников. Этот пассажир, как и двое других, – невеликое народонаселение самолета, не считая пилотов, – всю дорогу спали. За окном была ночь, иногда под крылом мелькали огни населенных пунктов, где-то в стороне осталось много таких огней – город, а двигатель все так же монотонно урчал, и самолет уносил Легкоступова неизвестно куда и не совсем известно зачем. И спросить было совсем не у кого. Сейчас вот пассажир заговорил сам. Значит, следует моментом воспользоваться и его разговорить. Но осторожно, избегая откровенных выяснений ситуации. С теми, кто спрашивает откровенно о том, о чем не говорят вслух, слова подбирают особо сдержанные, чтобы не попасть впросак.

– А вы уже бывали здесь? – вопрос прозвучал совсем невинно, почти с зевком.

– Бывал.

– Скучно, наверное?

– Скучать мне некогда, я приезжаю сюда работать, – сказал пассажир неожиданно неодобрительно, почему-то вдруг нахмурился и закрыл глаза, показывая, что разговаривать с незнакомцем он не расположен.

По одной этой фразе Легкоступов вычислил трудоголика. Такие люди сами себя работой изводят, и другим покоя не дают, и очень не любят, когда с ними разговаривают о чем-то противоположном работе. Например, спрашивают о том, как убить скуку. Во многом Геннадий Рудольфович сам принадлежал к такому типу людей и потому нечаянного собеседника понял. Разговор следовало вести не так. Но сразу первый промах исправить сложно.

– Вы сюда надолго? – спросил он все же у соседа, усердно изображающего из себя спящего, через пару минут.

Тот подергал длинным уродливым носом.

– Как придется...

Все, разговор не состоялся, и можно не мучить себя, не утруждать напрасно, подыскивая нужные темы. Это только на подозрение наведет.

Легкоступов, в отличие от других пассажиров, спать не хотел. Он желал больше увидеть, что объяснимо и простительно для человека, впервые попавшего в новое место. И потому прильнул к иллюминатору.

При посадке трясло сильно – грунтовая полоса ни один самолет не балует, но никто в салоне не отреагировал на это. Значит, все попадают сюда не впервой. Он единственный из таких. Что же, и это уже информация, которой пока воспользоваться нельзя. Но генерал

хорошо знал, что по мере накопления информация начинает сама собой систематизироваться в голове и из отдельных эпизодов складывается картина.

Здание аэропорта представляло из себя длинный барак с мачтой и традиционной полосатой колбасой, показывающей направление и силу ветра. На самом здании, вопреки ожиданиям генерала, не красовалась никакая надпись, обозначающая наименование населенного пункта. Значит, и с этой стороны информации – ноль. Привольная степь служить ориентиром не может. Такие пейзажи встречаются и в Нижнем Поволжье, и на Урале, и в Сибири. Но городок, что расположился вплотную к аэропорту, явно военный. Хотя это тоже дает мало. Наверняка здесь стоит часть ракетных войск. Таких частей по России разбросано – не счесть. Попробуй определить место по таким характеристикам...

Умолк, словно устал, двигатель самолета. Опустился трап. Легкоступов и пассажир с длинным носом сидели ближе других к выходу, и они, естественно, первые устремились на выход.

– Товарищ генерал, – окликнули сзади. – Геннадий Рудольфович...

Легкоступов понял, как опрометчиво решил, что его оставили в одиночестве потому, что сильно доверяют. Нет, и здесь у него провожатый, потому что окликал его голос явно незнакомый.

Он обернулся. Какой-то человек сделал ему знак рукой, попросил задержаться. Задержка заняла всего несколько секунд, но за это время крючконосый успел выйти, и когда Геннадий Рудольфович вдохнул горячий воздух раннего степного утра, тот уже садился в большой джип, стоящий здесь же, рядом с самолетом. Другой джип, чуть поменьше, ждал пассажиров по другую сторону.

– Нам, товарищ генерал, сюда...

«Хорошо человек работает», – профессионально отметил Легкоступов. И все время ожидания отлета в аэропорту, и во время полета этот человек или беседовал с другим спутником, или спал. И совершенно невозможно было определить, что он ведет наблюдение за генералом.

Около машины Геннадий Рудольфович остановился, достал «сотовик» и стал набирать номер.

Это был хорошо продуманный шаг. Во-первых, сразу хотелось заявить, что он здесь не под арестом и имеет право на связь – в чем даже сомневаться не может. Во-вторых, его должны увидеть с этой трубкой, чтобы потом это же не вызвало вопросов.

– Товарищ генерал, здесь только местная сотовая связь. Без роуминга. Для разговоров с Москвой только спутниковая, – сказал сопровождающий и протянул другую трубку, побольше.

– Спасибо. С Москвой связь прямая?

– Прямая. На трубке московский номер.

Легкоступов позвонил домой, отметив про себя, что у простого сопровождающего, если только это в самом деле простой сопровождающий, с собой трубка спутниковой связи. И не какая-то архаичная, какими пользуются высшее руководство армии и даже сотрудники президентской администрации, а самая современная, которые пока большая редкость. Обычные трубки спутниковой связи требуют носить с собой кейс с оборудованием. Современное оборудование умещается в одной трубке.

– Спала? – спросил жену. Естественно, она в это время спала. – Я долетел нормально. Не беспокойся. И с желудком в порядке. Да... Не знаю... Жара с самого утра. Ладно. Я с чужой трубки звоню. Мне позвонить нельзя. Здесь нет сотовой связи. Ладно, хорошо. Девочкам привет. Спи дальше... Как дела позволят... Все... Все, я сказал...

Он нажал кнопку отбоя и вернул трубку.

– Спасибо. Жена просила позвонить, как прилетим. Волнуется каждый раз...

Сказал и тут же понял, что допустил прокол. Если его домашний телефон прослушивали, то знают – за две прошлые поездки по делу Ангелова он ни разу домой не звонил. Сопровождающий вполне мог это знать тоже.

В машине был только мрачный водитель. Они сели втроем.

– Можете поспать, товарищ генерал. Нам почти час ехать.

Значит, место прибытия не в городе. И нет возможности выйти на связь в случае экстренной необходимости. Это совсем плохо...

2

Выходим из самолета правильно. Никто, к сожалению, не встал со мной на одну линию. И длинный, и хрипчатый пристроились по бокам и даже в узком выходе позицию не изменили. Третий так и держал меня, полагаю, под прицелом, пристроившись со спины. Если их учил Юрок, то учил хорошо. Моя школа.

И на встречу как назло никто не пожаловал. А то нашлись бы желающие встретить капитана-инвалида с почетом, я имел бы возможность спровоцировать выстрел в нужный момент и подставить того, кто руки для приветствия разбросил. Пусть вздремнет, пока я с остальными беседовать буду.

Пока действуют четко. Но ошибки бывают у всех. И я дождусь первого же момента ошибки. Тогда, извините уж, други дорогие, учеба через вторые руки до добра не доводит. Следовало сразу приглашать меня для обучения!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.